

18+

Владимир Буров

Марс

Владимир Буров

Марс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432977
ISBN 9785448533976

Аннотация

Путешествие на Марс. Где живут не совсем люди, хотя и похожи на них чем-то. Не буду заранее пугать, чем именно. Но некоторые Их боятся. Б-рр-ры-и, а другие даже могут откусить нос. Люди едут Туда не только развлекаться, но чтобы найти киллеров, которые превратили эту, еще вполне пригодную для счастья планету в место, где ни проехать, ни пройти, чтобы у вас чего-нибудь ни попросили:– Дай, да, дай! – Как в Одиссее:– А можно я тебя съем? – И без знака вопроса, тащит каждый и каждая себе. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	87
Глава 8	101
Глава 9	115
Глава 10	127
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Марс

Владимир Буров

© Владимир Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-3397-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

- На Марс? А сколько?
- Двести.
- Двести тысяч долларов?
- Евро.
- Это много. Я не поеду.
- Почему?
- У меня нет столько.
- Сколько есть?
- Да немного.
- Точно можно узнать?
- Зачем?
- Может, я добавлю.
- А! Ну, хорошо. Но я должна подумать. Деньги разбросаны по разным карманам.
- Карманам? А дома?
- Дома пусто. Или все равно, что ничего нет.
- Значит, у тебя очень мало денег.
- Я уже посчитала, умножила и сложила, и получилось ровно двести.
- Всего в тысячу раз меньше, чем надо?
- Да.
- Это немного. А казалось, что у тебя не хватает почти

всего.

– Наверное, ты считал миллионами.

– Ты согласна?

– Поступить под твою юрисдикцию?

– Почему сразу Под? Ты можешь быть сверху.

– Вряд ли это возможно, если ты за меня заплатишь.

Впрочем, изволь, я согласна. На Марс! – она посмотрела на небо. – Неужели это возможно. И знаешь, я даже думала, что мне ответить, если ты пригласишь меня в Кругосветное Путешествие, как Агату Кристи.

– Ты права, я тоже думал: может быть, нам сначала что-нибудь сделать.

– Что?

– Ну, не знаю.

– Нет, говори, говори, я слушаю.

– Давай сходим в ресторан, а потом в баню.

– В баню? Я не ослышалась?

– Я не то хотел сказать.

– А именно?

– В сауну, конечно.

– Я ни разу не была в сауне. Что это? Только, пожалуйста, не ври! Я подозреваю, что это та же баня. Так-то я бы не против. Мы же ходили с тобой вместе на пляж?

– Да, было дело. А разница?

– В том, что на пляже много народу.

- Ты хочешь со мной сходить, но только в общую баню?
- Да.
- Сейчас уже нет таких бань.
- Может быть, мне пригласить подругу?
- Думаю, это скует все мои желания.
- Она не агрессивная.
- Вы опять будете ходить туда-сюда, как тогда на пляже, и болтать. А я? Мне, что, опять лапу сосать.
- А ты что хочешь сосать? Мои титьки?
- А почему бы нет.
- Сейчас не хочешь пососать?
- Давай.
- А потом чего? Женишься?
- Мы не должны об этом думать, понимаешь?
- Нет.

- Ну, ты, что, забыла, в перспективе мы можем полететь на Марс вместе. А там! Сама понимаешь, кто есть кто – это еще вопрос.
- Я не совсем понимаю: в каком смысле? По разные стороны баррикад, что ли, ты имеешь в виду. Я – Марсианка, а ты в рядах захватчиков.
- Это бы еще ничего. Хуже, если я буду жить на берегу.
- А я? Буду с другой стороны этого марсианского озера?
- Нет, хуже, если ты окажешься просто водой этого озера.
- Чем это плохо? Как купаться – так опять нужно будет

думать о сексе? А как же ты говоришь раньше все вместе в бане мылись?

– Тем не менее, мне кажется, мы будем близко, как сейчас, но всё также далеки друг от друга.

– В общем, ты предлагаешь сходить прямо сейчас в баню, пока не поздно, я правильно тебя поняла?

– Про ресторан забыла.

– Ладно, давай сначала напьемся.

Мы очень стеснялись.

– Мне не страшно, – сказала она, – у меня ничего не видно. – И действительно волосы между ног у нее были настолько густыми, что даже при большом желании ничего бы не удалось разглядеть. – А ты повернись ко мне задом. Тогда я тоже ничего не увижу. Он мотается, да?

– Сейчас?

– Ну, хотя бы.

– Сейчас нет.

– А что с ним?

– Разглядывает потолок.

– Что на потолке? – она тоже посмотрела вверх.

У нее такие ляжки. Вся школа много лет была в восхищении и изумлении. А зад. С таким бы никогда не расставался. Точнее:

– С таким не расстаются. – Айм вэри бизи ил.

– Целоваться не будем?

– Нет, только тряхаться. И знаешь, я воде хочу. Ты пробовал?

– В воде? Нет, я думал, это опасно.

– Почему?

– Вода нальется внутрь.

– Внутрь меня? Ты думаешь там еще есть место?

– Почему нет?

– Там живут дети.

– Д-дет-ти? Так быстро.

– А ты думал, они растут долго? Тем более, на Марсе.

– Мы еще не на Марсе.

– А ты поверил? По-моему, ты даже испугался.

– Ты права, я не знаю, что там будет.

– А именно: ты боишься, что наша воля будет там парализована?

– Да. И знаешь почему? Там маленькое давление. Само по себе это может не иметь значения. Но низкое давление может быть следствием слабой привязанности людей – марсиан, имеется в виду – к самим себе.

Она повернулась ко мне лицом.

– Ты думаешь, там только марсиане?

– Не знаю, но считаю, что людей там нет.

– Даже американцев?

– Нет, мы будем первыми.

– Это плохо. Вряд ли что-нибудь у нас получится. И во-

обще: нам какую квартиру обещают?

– Трехкомнатную, неверное.

– А ты не спрашивал? – она повернулась ко мне спиной, и практически ушла головой на самое дно.

Вопрос задан, а кому отвечать непонятно. Наверное, она дала мне время подумать. Вообще, конечно, вопрос хороший, надо будет просить, как минимум, четыре комнаты. Тем более, если предположить, что у нас сразу родятся не меньше трех детей. Возможно, не надо будет вынашивать их целых девять месяцев. Так месяца три, я думаю, хватит. Наконец, она вынырнула, но опять ушла под воду, так как я держал ее за ноги.

– Ну, что, сосчитал, сколько комнат нам надо? – спросила она после того, как вынырнула, предварительно наглотававшись воды.

Далее, как мы попадаем на Марс? Ракета, или как-то по-новому?

Оказалось, надо пройти собеседование.

– О чем? – спросила она.

– Наверное, хотят спросить, собираемся ли мы жить вместе.

– А мы, как, будем?

– Так, а зачем еще мы летим на Марс.

– Именно за этим?

– Да.

– Что, да? Я не поняла, ты не расскажешь поподробнее?

– Здесь у нас всё хорошо, но нет будущего. Вот сколько я ни думал – ничего. Как говорится:

– Одной хорошей жопы мало.

– Я так и думала. Чего же еще тебе надо? В рот? Ладно, я постепенно научусь, чтобы не рвало после спермы. Но, извини, не пять же раз в день ее глотать!

– Вот видишь, ты сердишься.

– И ты знаешь почему?

– У нас нет Контакта.

– Там должен быть, да? Да, конечно, он там есть. Где-то же он должен быть. Перспектива-а, – протянула она. Между прочим, я слышала, туда берут не всех.

– У нас есть деньги.

– Даже за деньги.

– Ты думаешь, мест меньше, чем людей с деньгами? Вполне возможно. Вполне возможно, людям так не хочется жить здесь со временем. Они понимают, что ни-че-го у них не получится. Теперь я понимаю Джеймса, почему он не хотел оставаться в Англии, а поперся туда, где ничего нет. Ничего, кроме новой энергии, способной сделать его и его людей счастливыми. Там за горсть гвоздей можно было купить себе любовь.

– Хорошая мысль, между прочим, надо подумать, что мы возьмем с собой.

– Есть какие-то мысли?

– Надо взять что-то для тебя. Чтобы ты мог иметь возможность покупать там любовниц. Если я тебе надоем.

– Ты никогда не надоешь.

– Мне самой может надоесть брать в рот.

– Это никому еще не надоедало.

– Да? Ну всё равно мы должны подумать, что брать. Всё, наверное, не разрешат.

– Скорее всего, по весу. Пудов по пять на человека, не больше я думаю, максимум сто кило. Я возьму книги. Ноутбук может там не работать. Я бы вообще хотел, чтобы несколько книг мне положили в гроб. Наверное, это не разрешено.

– При чем здесь гроб?

– Потому что, нет, я хотел сказать в саркофаг, в которых мы полетим. Там нет места для вещей.

– Если нас не будут обыскивать, всё равно можно кое-что взять. Я возьму мыло.

– Зря, мыло и так загрузят.

– Хорошо, тогда сегодня на собеседовании, скажу, какое именно мыло надо брать на меня.

– Это правильно. Я тоже скажу, чтобы взяли зубную пасту Хербал.

– Хер? Ты опять про Это?

– Я впервые встречаю человека, который никогда не слы-

шал слова Хербал. Нет, честно, никогда! – И добавил: – Чем ты чистила зубы в лагере?

– Я не была в лагере.

– Вот как! Чем ты занималась?

– Я была в доме отдыха.

– Там не чистят зубы?

– Чистят.

– Чем? Должен обязательно быть Хербал.

– Прекрати, пожалуйста, ругаться. Я всегда чищу зубы зубным порошком. Более того, я так же отношусь к своей собаке.

– Ты чистишь зубы собаке?

– Приходится.

– Правильно. Если есть хоть какие-то зубы, надо их чистить Хербалом.

– Прекрати, я тебе сказала!

– Не могу не говорить о том, кого люблю.

– Ну, вот это другое дело. Я так и знала, что ты хочешь трахать не только меня, но всех остальных. Тоже.

– Это естественный процесс. Я трахаю тебя, так как трахаю всех. И наоборот: я трахаю всех, потому что трахаю тебя.

– Всё это так, всё это хорошо, но тогда не будет Контакта.

– А наоборот его тем более не будет. Ты что называешь Контактом? Ты – это я, а я – это ты? Это неправильно. Зачем нам быть одним человеком? Объясни.

– Не могу. И знаешь почему? Потому что Один – это уже, практически, мастурбация.

– И всё же ты права. Надо быть ближе.

– Ты хочешь, чтобы мы жили втроем, как Коллонтай? Или впятером, как Щепкина-Куперник?

– Ты хочешь сказать, что здесь уже и так всё, как на Марсе? Ты не хочешь лететь?

– Полечу, конечно, но я боюсь даже думать, кем я там буду. На собеседовании не будут задавать такой вопрос:

– В потенциале, вам что лучше оставить:

– Ноги ли голову?

– Откуда такие страсти?

– Ты мне постоянно подсовываешь картины Пабло Пикассо.

– У тебя сколько уже сейчас висит дома? – спросил я.

– Ни одной. И знаешь почему? Я их боюсь. Дари мне лучше Ван Гога.

– Он тоже был выше обычного понимания.

– Мне он кажется красивым.

– Неужели ты думаешь, что картины Пикассо несут с собой опасность?

– С собой? Не хочешь ли ты сказать, что уже загрузил их в багаж? О, мама! Кого еще? Ван Гога? Ну, это понятно.

– Моне.

– Тучи в голубом и розовом?

– Лягушки в фиолетовом и розовом.

– Кувшинки, ты хотел сказать? Ты Закат взял?

– Взял, взял.

– Фильмы Альфреда Хичкока?

– Взял, взял.

– Отлично, возьми еще Острова в Океане Хемингуэя.

Впрочем, ты можешь забыть, я сама возьму эту любимую книгу.

– Я возьму русскую библию – Пушкина.

Нас особо не проверяли, и мы пронесли на борт КК – Космического Корабля, всё, что хотели.

– Меня волнуют только два вопроса, – прошептала Ольга мне на ухо.

– Понятно, – ответил я. – Будет ли и Там Звездное небо над нами, и скольких жен разрешат иметь.

– А мне мужей.

– Естественно.

– Но это только один вопрос, – опять нагнулась она к моему уху.

– Какой второй вопрос, дай угадаю. А! Дадут ли нам четырехкомнатную квартиру? Правильно, я угадал?

– Ты написал про четырехкомнатную?!

– Ольга, послушай, надо ковать железный, пока горячий.

– Это мало. Это очень, очень мало, как ты только не мог понять, что счастливое число – это шесть? Ты можешь объ-

яснить? Прости, я оговорила, счастливое число – это семь. Именно. Или семь, или всё кончено, Юпитер.

– Я.

– Ты. Ты понял, Юпитер, что ты не прав? Очень хорошо. И да. – Но она не успела разъяснить свой второй вопрос, как загорелся экран монитора на полочке.

– Зачем на потолке? – спросила Ольга.

– Мы должны быть ближе к Марсу, – сказал я.

– А-а.

И вот пошла Лентару.

– Ой, какой птенчик! Я, Вань, такой же быть хочу.

– Ты думаешь, нам показывают возможную реинкарнацию на Марсе.

– Это варианты, – пошла строка субтитров, – для тех, кто не понял интуитивно, – второй вариант вашего воплощения на Марсе. Если вы сильно испугаетесь, то можете превратиться в птичку и улететь.

– Восхитительно! – воскликнула моя дама, и добавила: – я хочу быть птичкой. – Но уже появилась другая картинка, это был лев. – О! лева. Я хочу быть им, – и она нажала кнопку этого Стоп-кадра. Только это была уже совсем, совсем другая история.

Далее, это дерево.

Глава 2

Под фиолетовым небом висели три солнца.

– Ничего страшного, – сказал я, и добавил: – Мне нравится.

– Да? Мне тоже. И да:

– На ночь их выключают?

– А смысл? Всегда можно задернуть шторы. Тем более, они автоматические здесь.

– Я люблю гулять при Луне.

– Уверен, что такая программа тоже существует.

– Если не все захотят Луну на небе, а вдруг кто-то хочет загорать ночью?

– Точно! Уверен, что у нас здесь есть участок в семь га, как у всех благородных людей.

– И мы сможем заказать у себя дома любую погоду! Ура. Только, как нам договориться друг с другом?

– По жребию, – сказал я.

– Ладно, я хочу загорать и кататься на лодке.

– Сейчас посмотрим, хотя для этого нужен большой бассейн.

– Надеюсь, тебе повезет, – сказала Оля, – и здесь есть большой, большой, как река, огромный бассейн, где по берегам растут лютики-цветочки. Лютики-цветочки у меня в садочке. Как было сказано, чтобы у меня всё было:

– Чинно и благородно.

– По-старому, – сказал я, и добавил: – Не выйдет. Не для этого мы летели на Марс.

Но участок, в 7 га, о котором мы так долго мечтали, появился, хотя мы об этом представлении о счастье никому не говорили.

– Лютики! – С этим радостным приветствием Ольга вышла на крыльцо. – И да, – добавила она, – это не лодка с веслами, а целый корабль.

– Какой-то, ты не добавила.

– Что? А, да, действительно: какой-то.

– Странно.

– Действительно, странно, почему на нем нет моего имени.

– Я сам могу написать.

– Ты криво пишешь. Впрочем, извини, пусть криво, но зато я узнаю тебе по походочке. И да: лёд у нас есть?

– Жарко.

– Нет, еще, но я хочу льда.

– Просто льда? Или с каким-нибудь миндальным ликером?

– Покрепче ничего нет? Впрочем, это я не всерьёз. И да: я только в кино видела – да и то, кажется, нет, – чтобы яхта входила прямо в семигектарный сад с моря.

– Это не яхта, а катер.

– Тем более. Точнее, тем не менее.

– Тебе туда прямо принести коктейль со льдом?

– Да, конечно. Пожалуйста, только оберни стакан полотенцем.

– Зачем?

– Ну, что значит, зачем? Надо, как ты не понимаешь?

– Сейчас не жарко, – попытался я возразить.

– Руки у тебя, я надеюсь, всё той же, земной темприче,
37 с чем-то.

– Скорее всего.

– Вот видишь, теперь ты всё понял.

– Нет, я почти ничего не понял. Хотя, конечно, я сделаю так, как ты любишь.

– Давай, повар.

– Я повар. А кто стрелять будет? Или ты не видишь отсюда, что на носу установлен пулемет.

– Ни – сл. на букву х – себе! – удивилась она. – Куда мы попали? Увеселительная прогулка называется! Неужели это на самом деле?

– Скорее всего, нам дали этот прекрасный сад не просто так, – сказал я. И добавил: – Здесь есть враги.

– Но откуда в свободной стране враги? Я не понимаю. – Она чуть не заплакала. – Неужели с других планет?

– Мэй би, кто-то из землян был уже здесь.

– Что им надо? – спросила она.

– Думаю, произошел какой-то сдвиг по фаре, – сказал я. – Так-то бы, конечно, жили-были, ну и дальше, ан нет, или захотели чего-то, что здесь открыли, или – как я уже сказал – просто поехала крыша.

– Ты думаешь, она сама поехала – если, конечно, это так – или под действием этих?

– Кого?

– Я боюсь говорить.

– Инопланетян?

– Да. Думаю, они очень страшные. И знаешь почему? Я на Земле посмотрелась на крокодилов, специально от них уехала, а здесь опять двадцать пять:

– Еще хуже.

– Не будем заранее настраиваться на самое худшее, – сказал я.

– Если я вижу на своем личном корабле крупнокалиберный пулемет, куда уж дальше? Всё уже и так ясно.

– Скорее всего, он не такой уж сильно крупнокалиберный.

– Какой смысл на корабле иметь обычный пулемет? – возразила она. – Скорее всего, на нас пойдут бронированные катера, а с берегов будут стрелять из крупнокалиберных пулеметов с бронированными щитами.

– Откуда здесь возьмутся пулеметы с бронированными щитами?

– Если для фильма Рембо-4 нашли, то здесь, я думаю, тем

более они есть. Да нет, есть, есть, я уверена!

– Тогда, может быть, нам вернуться назад? – спросил я.

– Да? Это можно сделать реально?

– Ты не спрашивала на собеседовании об этом?

– Нет. Меня не спрашивали, и я не спросила. А ты?

– Тоже постеснялся.

– Во попали! – она села в кресло, и посмотрела с веранды на стоящий в бухте большой катер.

Уже ночью подошел большой грузовик с коньяком, ликерами, пивом, и продуктами питания. Как-то:

– Это была капуста брокколи.

– Будете ловить рыбу, – сказал водитель грузовика.

– Как? – спросил я. Ольга спала, как убитая. Перенервничала.

– На удочку.

– Серьезно?

– Ловить тралом бессмысленно, – сказал парень.

– Холодильник на катере маленький?

– Скорее всего, его вообще нет, – ответил он, – только льдогенератор. Но даже если есть, много рыбы в него не положишь.

– Почему? Надоест один и тот же сорт?

– Естественно. Есть белая – хочется красной, есть красная – хочется...

– Белый, – досказал я за него. – Вообще, хоть какой-то комфорт на этих катерах есть? Мы не успели осмотреть его.

– Если вы не знаете, я тем более не в курсе. Но сразу не тонут.

– Спасибо и на этом.

– В принципе вы можете заказать ремонт в счет будущих доходов.

– Будут доходы? – удивился я.

– Подвезете кого-нибудь срубите бабла, – сказал он.

– Так здесь, как на Земле? Бардак.

– А вы как думали? Это не другая Солнечная Система, а пока еще всё та же самая.

– Да... – протянул я.

– Вы на что надеялись?

– Мы думали однозначно:

– Будет легче, чем на Земле, а зачем и переться тогда в такую даль.

– Для некоторых легче охотиться на слонов в Африке, или в Австралии жить среди людоедов, чем вечно в звании капитана в Англии.

– Давай никуда не поедem, – сказала Ольга утром.

Но мы поплыли. Не успев приехать, опять двинулись в путь.

– Знаешь, что, – сказал я.

– Что? Пойдем в кубрик.

- Не знаю никакого кубрика-мубрика.
- Ты смотрел хоть когда-нибудь кино Водный мир?
- Допустим, – сказал я, и добавил: – Ты пока вот рули здесь, а я схожу в кубрик, точнее, кают-компанию.
- Зачем?
- Там рядом есть кухня, а рядом с кухней бар. Принесу.
- Мне со льдом и малиновым ликером.
- Что?
- Водку. Но не более двадцати пяти граммов на трехсот граммовый стакан. Я могу пристраститься, и это будет проблемой в дальнейшем. Здесь, скорее всего, нет рифов, но мели должны быть. Мы сядем на мель.

Только после того, как принес всё, что уже обещал, я спросил:

- Ты думаешь, нам придется воровать?
- Это в связи с Водным Миром? Да. Думаю, именно такой мир нам здесь предлагается.
- Допотопный?
- После. После потопный. Между прочим, я чувствую, что стакан уже начинает нагреваться. Там не было полотенца потолще? Или, может быть, даже менее теплопроводного?
- На них ничего не написано.
- У тебя должна была пробудиться интуишэн.

В конце концов, уже под вечер нам сообщили, что бежала группа монстров, которых не уничтожили сразу, а оставили

для изучения их генетического материала.

– Почему из таких же, как мы людей появляются монстры? – спросила Ольга.

– Скорее всего, они вообще не были людьми.

– Тогда зачем? Хотят узнать, откуда вообще во Вселенной возникают монстры?

– Скорее всего.

– А, а не могли они их выпустить нарочно?

– Не понимаю, зачем?

– Очевидно, что какой-то смысл есть.

– Какой? Что их никто не выпускал, а они сами сбежали?

– Мне больше нравится версия, что хотят выяснить, можно ли их вообще убить, – сказала она. – И это будет точно так, если объявлена премия за каждого монстра. Ничего не говорили?

– Не слышал.

– Или не слушал?

– А это не одно и то же? Хорошо, поймай радио.

– Я за штурвалом.

– Тогда я опять сам схожу, – сказал я и спустился вниз, предварительно осведомившись: – Повторить?

– Нет. Хочу, но чего-нибудь новенького. Кактусовой водки там нет?

Меня удивляло, что моя дама не удивляется, что пьет, пьет и пьет. Ведь даже на Земле, она не пила совсем до последнего времени.

На первом острове мы не обнаружили никого.

Мы наловили трески и наваги и теперь спешили ее пожарить на:

– Огне и растительном масле, – как сказала Ольга. И добавила: – Жаль, что рыбы много, а нас, – она раздвинула пальцы так, что один был направлен на меня, а другой на нее, – мало.

– Я приведу медведя, – сказал я.

– Зачем? – не поняла она.

– Медведи очень любят рыбку, – выдал я, и ушел не прощаясь.

Когда я был уже на середине поля – если считать, как считаю я расстояния футбольными полями – опять услышал ее голос:

– Не жареную же.

Меня удивило, что она говорила негромко, а слышно было хорошо. Вряд ли у меня слух обострился. А, наоборот, на Марсе слышимость лучше.

После густого лиственного леса появился обрыв, а внизу море. А чему, собственно, радоваться? Мы и приплыли по морю. Но всегда приятно узнать, что это:

– Точно остров, а не материк, откуда могут появиться люди.

Я вспомнил, что надо набрать сухих дров, но их не было. Взял свежие.

Еще издалека я заметил, что у костра сидит кто-то.

– И не одна, что самое интересное. – Более того, она стояла у плиты.

– Хай ду ю ду, – сказал я, и бросил вязанку прямо на лапы пришельцу.

– Хау ар ю? – вежливо ответил он, но тут же добавил:

– Во-первых, хоть я и абориген, не надо бросать мне на ноги деревья.

– Во-вторых?

– Что, во-вторых?

– Вы сказали, во-первых, значит, должно быть и во-вторых.

– Ах, во-вторых! Да, это заметили очень остроумно. Я уже ответил, вы не заметили?

– Нет, конечно. Если вы не ответили, как я мог заметить? Ответ: никак. Это, по-вашему, тоже остроумно?

– Сначала вы сказали, что я Пришелец, и я хотел вам ответить, что во-вторых, я не:

– Пришелец. Но так как до этого я уже сказал, что я абориген, то повторять одно и то же два раза уже не имело смысла. Окей?

– Ольга, будь свидетелем, – сказал я, – этот абориген, говорил, что он абориген? Или говорил только, что пришелец?

– Говорил.

– Ты что, уже успела с ним объединиться, пока меня

не было дома?

– Он говорил, – опять сказала она, и добавила: – Про себя. Точнее, подожди, ты меня совсем запутал:

– Это ты назвал его пришельцем про себя, а он тебя услышал. В результате – назрел конфликт.

– Так, а зачем подслушивать, я не понимаю?

– Если он так устроен, ему уши себе отрезать?

– Ладно, давайте выпьем и поедим, – сказал парень, – а то становится немного скучно.

– Вы правы, – сказал я, принимаю свою банку холодного пива и котлетки из трески с картофельным пюре и свежим огурчиком, – надо выпить за мою первую запись в Дневнике Путешественника по Марсу.

– Давайте, – сказал Абориген, – за ваше открытие. – Но он предпочел виски.

– Не может быть, – сказал я, – чтобы вы вот так с первого раза полюбили виски.

– И вы будете правы, – почти улыбнулся парень. – Мы ее здесь выращиваем.

– Кого? – только успел подумать я, а он уже прочитал мои мысли, и нагло ответил:

– Кактусы

– Мак, – опередила меня Ольга, – вы договаривались не подслушивать. – А он:

– Я забыл.

– О чем ты думал?

– Я думал: не подглядывать.

– Маки, – обратился я к аборигену, когда мы выпили по три двойных. Я три банки пива соответственно.

– Почему? – спросила перед этим Оля.

– Я бросил. Только пиво.

– Вот из ё нейм? – спросил я.

– Говори на русском, парень, – сказал он, – я понимаю.

– Как тэбя, – я показал на него пальцем, – зо-вут?

– Я, – теперь он показал пальцем себе в грудь, – мэс-ный бог.

– Бог – это как? – Вмешалась в разговор ошaleвшая Ольга.

– Вин. Буду скромнее, – добавил он: – Один из Винов.

– Вин – это Винчестер, можно сказать носитель информации, – быстро пояснил я, чтобы выглядеть, как говорил Владимир Высоцкий:

– Не глупее его.

– Вы живете в горах? – удивилась она, потому что здесь был только один холм, куда поднимался я, чтобы увидеть широкое море. Но гор – нет.

– Есс. – Простите, что злоупотребляю алкоголизмами.

– Вот это правильно, – обрадовалась Ольга, – вот это по-нашему, по... прости, – обратилась она ко мне, – мы откуда хоть прилетели-то? Нет, честно, я уже всё забыла.

– И да, – решил я хоть как-то продолжить разговор, – как ваше настоящее имя, я так и не понял?

– Зевс.

– Нет, вы скажите, пожалуйста, точно: Зевс или Зевз?

– А разница? – спросил парень, и что было самым замечательным: постепенно он менял свой привычный облик цивилизованного человека.

– А именно? – удивилась Ольга, понявшая мой немой вопрос.

– В очередь, пожалуйста, – сказал я, – меня интересуют буквы. А именно: З или С.

– К сожалению, я никогда об этом не думал, – беспечно ответил парень.

– Ясно, – обратился я к Ольге, – второгодник. Два года в седьмом? – спросил я его.

– Да. – Но это Да вызвало в моей Ольге только добрую, более того, обнадеживающую улыбку.

– Картина Ван Гога, – сказал я.

– Ты уже предлагаешь мне раздел имущества? – только и придумала она, что сказать в ответ на некоторые сомнения в ее любви ко мне.

Кончилось тем, что я проснулся от лунного света. Хотя на самом деле это был солнечный свет. Она лежала на нем, и юбка на ее жопе была поднята выше, чем обычно. Не в сторону талии, имеется в виду, а именно вверх, как будто ее мо-

гучая задница еще больше выросла за эти несколько часов, пока мы спали. Но это бы еще:

– Ничего удивительного. – Главное, Зевз был уже не черным, как негр, а превратился в абсолютно белого, хотя по-прежнему кудрявого человека. И это ее очень радовало. До такой степени, что они так и лежали друг на друге, хотя я всё видел, так как проснулся, и чесал себе голову в поисках возможных решений это уравнения.

– Это пятая или третья всё-таки степень? – спросил я. Но они даже не дали мне пояснить, что я имею в виду. Им было по барабану. Даже не засмеялись, а она продолжала совершенно спокойно его разглядывать и нежно целовать в губы.

– О, боги, боги! – сказал я – про себя, разумеется. Но руки всё-таки поднял вверх. – Так обнаглеть!

Глава 3

– Меня это не устраивает. Нет, нет и нет, я третьим не буду.

Конечно, это Марс, здесь, скорее всего, можно трахать всё, что шевелится, но не могу. Кого-нибудь другого, мэй би, даже местную богиню, но вот так, изменить сразу, у меня не получится. А бабам всё равно:

– Лишь бы человек был хороший: кудрявый блондин.

Но один раз я решил попробовать. Взял на корабле железный прут, нагрел в костре, и завил себе тоже несколько локонов. Красиво, но, кажется, заметно, что не от бога. Тем более, пахнет паленым.

– Волосы покрасить? Окей. Краска была, и, разумеется, не корабельная, девушки всегда берут с собой краску для волос. Почему-то все хотят быть блондэ. В принципе это понятно. Так-то скажешь глупость – назовут дураком. А там, наоборот, это естественно. И даже, если назовут, имеем право не обижаться. Кому охота бросаться на людей, как злая собака. Поэтому все и хотят попасть в Некоторые, которым нравится быть:

– Погорячей.

Поэтому бог Зевс сразу и выдал резюме:

– Некоторые любят погорячей.

– С какой стати? – резонно спросил я.

– Паленым пахнет, – скромно ответил он.

Ольга ничего не сказала, но когда этот Зевз не поехал с нами, а остался на своем острове, дала мне без особых проволочек. Так только предупредила:

– Ты меня любишь?

– Да.

– Как ты меня любишь? – Конечно, она могла, как Мюллер, при этом убрать пистолет со стола. Чтобы я понял: всё идет почти по плану, и уж, по крайней мере, по обоюдному согласию.

– Тебе удобно? – спросила она.

Я хотел сказать то, о чем давно мечтал:

– Ты не могла бы встать на мостик?

– Как?

– Как на уроке физкультуры.

Но решил отложить наибольшее удовольствие для следующего раза.

Зря, конечно. Надо ковать железный, пока он еще горячий. Кажется:

– Где тогда будет перспектива?

Древние египтяне решили этот вопрос, поняли, как надо смотреть на пирамиды:

– Плоскими глазами.

– Будем надеяться, что на следующем острове никого не будет, – подумал я.

– Рипит ит, плииз! – рывкнула она, я ничего не слышу.
– Кто-то что-то сказал или мне показалось? – спросил я.
– Ты напомнил мне о моем прошлом романе на этом острове. Извини, я просто обезумела. Но была счастлива, – добавила она.

Или ты совсем не хочешь, чтобы я была счастлива?

– Ну, как тебе сказать?

– Говори, как хочешь. Можешь словами, а хочешь – говори мыслями. Я уже почти тебя понимаю. А ты?

– Я? Я ждал тебя и рад, что вижу.

– Нет, к сожалению, к тебе не передалась эта Марсианская сверх способность. Мы с тобой разные люди. Ты просто человек, а я уже:

– Человек Марса.

– Маркса?

– Пожалуйста, меня не путай. Марса, я сказала, а не Маркса.

– Значит, секс между нами еще возможен?

– Не знаю, надо попробовать.

– Спустимся в кубрик?

– Принеси мне сначала сюда что-нибудь.

– А если бы я понимал тебя с полуслова? Даже без слов вообще? Ты что бы сначала выбрала?

– Секс или коктейль с маракуйей? И знаешь: вместе.

– Хорошо, ты сказала. Встань пока на коленки, приготовь-

ся. Впереди я поставлю коктейль.

– А сам?

– Как-нибудь сзади.

– Я не хочу как-нибудь. Давай по-человечески, я расположусь на спине.

– Я не понимаю, как тогда потреблять коктейль?

– Привяжи его к штурвалу. Он будет постепенно капать мне в рот через трубочку.

– У нас нет такого медицинского приспособления, чтобы пить через трубочку сверху.

– Придумай. Я хочу так.

Всё было просто. Надо только надеть на горлышко бутылки насадку, но из нее текло слишком быстро. Как замедлить?

– Я не знаю. Кап-кап-кап. – Не получается. Я пробовал и хлеб, и сыр и сливочное масло – бесполезно. Наконец помогла изолента. Правда, она пахла химией. Но, скорее всего, она уже ничего не почувствует.

Нет, почувствовала.

– Ты чем думал, когда использовать изоленту для пищевых продуктов?

– Просто, я уже все попробовал, но ничего не помогло.

– Возьми яблоко, и надень кусочек на рожок. В яблоке иголкой сделай канал, по которому маракуйя будет стекать вниз и попадать мне в рот. Окей?

– Какой иголкой: толстой или тонкой?

– Отрегулируй. Попробуй сначала тонкой, потом возьми потолще, если мало, еще потолще. Все просто.

– Просто-то просто, но канитель большая.

– Для тех, кто любит – это норма. А так, с бухты-баракты никогда хорошо не получится. В свободное время поучись на шнурках. Ты в детстве любил завязывать шнурки?

– Нет, я любил сандалии.

– Повтори, пожалуйста, еще раз, но только без второго И.

– Зачем столько подготовки?

– Чтобы ты понял, как надо делать основное событие.

– Это уж не удовольствие, а работа получается, – проворчал я. – Одна работа и никакого удовольствия.

– Не преувеличивай. Если привыкнешь всё делать основательно, то и работа будет, как радость. И да: хватит болтать. Работай, работай, работай.

И я работал. Но иногда увлекался, и маракуйя капала мне на затылок.

– Ты выпил часть моей мары.

– Потом полижешь мне зад.

– Что?!

– Затылок, я имею в виду.

– Все равно не буду.

– Ты, как жена, должна мне делать всё, что не могу я сам.

У меня волосы слипнутся на затылке, раз, а во-вторых, я пьянею, так как спирт, отделившись от мары – маракуйи – про-

никает мне прямо в голову.

Она молчала. Наконец я затих. Только тогда она поняла, что я не врал, и помыла мне голову горячей водой с мылом. Вот так. После такого секса отмыться можно, но не просто так, а только горячей водой с мылом.

Мы причалили к следующему острову.

– Может быть, не надо это делать ночью, – сказал я.

– Сейчас ночь? – спросила она.

– Я думал, это и так видно.

– Дело в том, что мне все равно. Я могу и днем, и ночью.

А ты?

– Тоже, наверное, но не сейчас же.

– Почему?

– У меня мысли заняты другим.

– Чем?

– Я думаю, на этом острове нас поджидает опасность.

– Думаю, ты преувеличиваешь.

– Почему?

– Ты всегда преувеличиваешь.

– Не думаю, что всегда.

– Но сейчас – это точно.

– Ты пьяная.

– Ты сам пьяный.

На острове мы встретили козу.

– Если есть коза – значит есть и люди.

– Это кто сказал?

– Я.

– А я думаю, что всё как раз наоборот. И знаешь почему? Здесь вообще нет людей.

– Только марсиане, – сказал я, и добавил: – Но это только версия.

Мы развели костер, и хотели привязать козу, чтобы она не бегала ночью по кустам, и не пугала нас. Но она, не далась.

– И ладно бы отбежала в сторону, а то ведь претя за стол прямо с копытами! – возмутилась Ольга.

Коза натурально села на пенек, и свесила копыта в ожидании подачи вкусных блюд.

– Будем надеяться, что она хотя бы не пьет.

Для смеха Ольга предложила козе капустный лист.

– Что?

– Пошла в отказ. Что она хочет? Что едят козы, кроме капусты?

– Ты меня спрашиваешь? Я никогда не пас коз. Дай ей вина и кусок торта.

– Для смеха, что ли? На.

– Не берет? Давай я попробую.

– Хорошо, попробуй.

– Прошу вас, – сказал я. Но коза все равно не взяла ничего. – У нее нет своих рук.

– Дай ей сам, – сказала Ольга.

– Хорошо, я попробую. – И коза стала пить вино, и есть торт. – Ничего удивительного, – сказал я. – Я бы тоже так-то не отказался даже от листа капусты.

Конечно, тут можно было ожидать, что Ольга предложит мне лист капусты, но нет, вышло по-другому. Лист предложила мне коза. Как? Не помню. Вот не помню и всё. Скорее всего, зажала между копытами.

В итоге я съел лист и стал козлом. Но не сразу. Сначала пришлось с ней, ли с ним – неизвестно – драться за Ольгу. Так-то она ответила на его предложение отказом. Но только до того, как эта коза написала копытом на прибрежном песке:

– Я – Гера. – Ну, или что, то же самое – Германн.

И они пошли вместе купаться. Но и тогда я еще не стал козлом. Хотя уже очень хотелось. Но я боролся с этим желанием, как мог. А именно, говорил себе, что надо мной все будут смеяться, и никто уж больше не даст, естественно.

Как только они улыбающиеся вышли на берег, я вызвал эту козу на бой.

– Меня? – удивилась Ольга.

– Не тебя, я ее, – сказал я.

– Это не она, а он, – с вызовом ответила Оля.

– Не обращай внимания, дорогая, – сказала коза. – Он в этом не разбирается.

– Ты вообще соображаешь, что делаешь? – обратилась ко мне О.

– А что?

– Это, конечно, твоё дело, но смотри не сломай ей рога.

– Я думал, ты за меня беспокоишься. Этими рогами можно не одного, а двоих насадить. – Да, похоже, я сгоряча предложил этот бой. Не коза, а настоящий меченосец.

– Помирать – так с музыкой, – сказал я и улыбнулся.

– Давай, на тебя это похоже.

– В знак одолжения ты сможешь бить в барабан в время этого трагического боя?

– У нас нет барабана.

– Ну, так чисто кричи: бам, бам, бам-бам-бам.

– И опять: бам, бам, бам-бам-бам?

– Если ничего другого ты придумать не состоянии, то да, так и кричи.

– Ты чё там замёрз, что ли, мужик? – сказала коза и встала на задние ноги. Потом хлопнула передними друг о друга и пошла на меня.

Тут даже неизвестно, какой прием лучше применить, подумал я. И подумал, что лучше вообще не думать, так как эти боги, скорее всего, умеют читать мысли таких примитивных созданий, как человеки. Впрочем, щас буду бить по ногам?

– По каким? – неожиданно услышал я закономерный вопрос?

– Дак, естественно, по задним. – А сам ударил ей кулаком в грудь. Не мой удар. Сработало подсознание. В детстве тренер только и делал, что кричал, когда я был на ринге:

– Правой по корпусу. – Правой по корпусу! Дак, на!

Коза закатила глаза к небу, скрестила лапки на груди и брякнулась на пушисту мураву-траву. Ольга к ней, откачивать. А коза мяучит так жалобно:

– Бе-е, бе-е-е! – А Ольга:

– Сейчас сделаем искусственное дыхание и всё пройдет.

– Что пройдет – то будет мило, – сказал я. Нет, это не я сказал, а кто? Коза, естественно, больше здесь некому.

– Если встанет, я ее замочу, – констатировал я мрачно.

– Ты так меня любишь? – спросила Ольга.

– Лучше тебя, чем козу, – ляпнул я.

– Понят-т-н-о-о, – резюмировала О. – И да: можно продолжать. – Это, скорее всего, относилось уже к козе.

– Давай, давай, – рявкнул я. И подумал: какой спонтанный прием провести этой козе в следующий моментум?

– Что?

– Моментум Морэ.

Коза пошла на меня в подозрительно знакомой стойке. Каратэ, решил я, точно. И так же точно, что зря связался с козой. Было бы с кем. Бежать? Догонит.

– Мы договаривались без каратэ, – на всякий случай сказал я.

Ольга даже не дала этому козлу ответить:

– Нет, нет, пожалуйста, делайте, что хотите, если уж на то пошло.

И я понял:

– Если попадет передней лапой – это еще ничего, а задней будет финита ля комедиум.

Провести бы ей подхват под обе ноги, или заднюю подножку. Но буду делать болевой из стойки. Я проговорился, но коза не поняла, что это значит:

– Болевой из стойки?

Не получилось. И знаете почему? На конце, так сказать, конечности, у нее не было кулака, как у обычного человека, а за шкуру с жиденькими волосиками тем более не зацепиться.

Я упал, а козел поставил лапу на мою грудь. Хорошо, что не на шею, как Чак Норрис или Жан-Клод Ван Дамм.

– Это не совсем честно, – только и мог сказать я, – надо было драться в специальных куртках, предварительно одевшись в них специально.

– Что он сказал? – спросила Ольга участливо. Но оказалось, не ко мне. И поцеловалась с козлом после того, как он ответил:

– Заговаривается.

– Думаю, у него просто легкое сотрясение мозга.

– У него? У кого, у него? У меня значит. На этом месте

лучше всего потерять сознание.

Я проснулся, и понял, что стал козлом. Точнее, еще не стал, но было очевидно, что:

– Становлюсь. – Шло обрастание шестью. Прямо на глазах. Хорошо еще, что не хотелось капусты.

– Да-а-а. А что я буду есть? – Скажи спасибо, что голова работает. – Окей, хорошо, по крайней мере, что есть бог, который дает мне полезные советы. Неужели, это действительно так? Я стал козлом, но получил взамен связь с богом. Но за что мне такое счастье?

– Хочешь козу? – понял я вопрос.

– Вы понимаете меня с полуслова, спасибо.

– Спасибо – да, или спасибо – нет?

– Давайте, конечно. И знаете почему? Думаю, возврата к прошлому уже не будет.

– Какую тебе лучше?

– По интеллигентней, но чтобы любила не только по-миссионерски.

– Само собой.

– Дожили, – подумал я печально, – придется, как римские легионеры трахать козу. Скорее всего, не буду. Так просто пусть будет для компании. Хотя, чем ее кормить? Дак, чем себя, естественно. Построим дом, купим кур, будем делать козий сыр. Что еще? Дак, много ли нам надо. Вот, Грязный Гарри тоже держал свиней, а потом поехал защищать про-

ституток за тысячу баксов на троих, и таким образом смог изменить свою жизнь в лучшую сторону. А мы, тем более, вообще на Марсе. Здесь, скорее всего, и летать можно. Давление низкое. Но достаточное ли для полета – вот в чем вопрос. Кто только не летает! Уму непостижимо, а люди – нет. Смешно.

Она явилась только на следующую ночь. Я засыпал с мыслью, чтобы только не по Высоцкому:

– Может вам она, как кляча – мне дак просто в самый раз. Всё это умствование мне надоело, Хочу, чтобы просто: увидел и взял себе. Но даже загадывать не хочу, какая она. Так хочется сюрприза. Сюрприз ведь – это праздник.

Мне уже снилось, что я трюсь о нее, как мех о стеклянную палочку. И чё-то не то. Никак не могу полностью насладиться.

– Ах! шелк надо тереть, – наконец понял я. Но где его взять? Ведь и во сне я прекрасно понимал, что я козел. Шерсть есть, но о что ее тереть я не мог вспомнить. Что-то такое дефицитное, как магний. Легче достать шелк.

– Но где во сне искать шелк? – вот в чем вопрос. Нет, просто логически не понятно. Если бы я был человек, или человеком, то мог бы его купить в каком-нибудь японском магазине. А так я ума не приложу, где его взять. Почему тогда мне снится и снится, что я трюсь именно о шелк и именно стеклянной палочкой?

И тут мой бог хлопнул меня ладонью по лбу:

– Ты и трешься о неё! – Мама мия! Я жду процесса, а он уже пошел. Идет, независимо от моего личного понимания. Так можно всё сделать и не понять, что уже получил наслаждение.

Глава 4

Я подумал, что бог хочет, чтобы я тут же представил себе ту козу, которую хотел бы иметь, как свою жену. Вот когда я думал, что представляет из себя красавица, которую хвалил именно, как красавицу, отличающуюся от других людей в положительную сторону Вилли Токарев, я так толком и не мог понять, что это такое.

Но когда увидел недавно – понял:

– Да, ее можно было уговаривать, несмотря на то, что она еще целый год могла думать:

– Быть или не быть?

Но никак не думал, что она такая пушистая блондэ. Можно сказать:

– Толстуха. – Надеюсь, Вилли не доберется в ближайшее время до Марса, чтобы вызвать меня на дуэль.

Тут скорее надо задаться другим вопросом:

– Может ли человек в одиночестве обслуживать такую даму?

Как говорится:

– Хочу, очень хочу, но смогу ли? – Более того, она сама, наверное, целый год об этом думала:

– Сможет ли? – И когда он позвонил обрадовалась:

– Он да, сможет. – Предварительно, правда, засомнева-

лась, пожаловалась маме:

– Дак не звонит Усатый. – На что мать ответила:

– Всякий мужик – это Смоктуновский, ибо как Гамлет постоянно крутит перед собой пальцы, пытается вычислить:

– Быть, али опять не получится?

Вопрос:

– Где мой телефон-автомат? Хочу позвонить. Справлюсь ли? Буду стараться.

– Стараться мало, – опять появился бог.

– Так, а что, мне заказать такой же, как у Билла, Трехуровневый? На Земле бы, да, можно, а здесь же нет, наверное? – спросил я с надеждой.

С надеждой на отрицательный ответ, что:

– Не нет, а есть!

И вышло:

– Не то, чтобы нет, но да. – Коза, коза Натуральная, глаза зеленые, зеленые. Будет, наверное, просить изумруды. А где здесь я их возьму. Хотя, с другой стороны:

– А там, на Земле, тем более.

Но трахаться!... Любит. Более того, ей бы работать проституткой, если бы это было официально разрешено. А так, что взять с телогреешников? Так, вино, домино, сигареты, да:

– Потрахаться. – И всё бесплатно. Только нищету разводить. Даже платья нормального нет, халат, чтобы показаться мне в интригующем виде утром взяла у подруги. Господи,

почему людям платят так мало денег?

– Хватит.

– Ну, не знаю, не знаю. Хватит ли? Чё-то кажется, что мало.

– Без ответа.

Она согласилась плыть со мной на катере. Но могу ли я достать здесь еще один катер? Неизвестно.

И ночью мы увидели, что к берегу причал катер. Мысль:

– На чем эти катера здесь работают? – пришла, и, как говорится, как пришла – так и улетучилась.

– Мы будем его захватывать? – спросила...

– Прости, – сказал я, и задумался.

– Ты забыл, как меня зовут?

– Я думаю. И знаешь, скорее всего ты так и не представилась.

– А говоришь, что ничего не помнишь.

– Ну?

– Зови мен я Желанная.

– Понятненько. А каких-нибудь новых, марсианских имен здесь не бывает?

– Ты любишь Марс?

– Люблю ли я Марс? Скорее всего, да, иначе не имело бы смысла сюда прилетать.

– Хорошо, зови меня Эба.

– Эбба или просто Эба?

– Ты прав, одного Б мне мало.

– Ну, что Эбба, будем брать этот корабль.

– Ты бери, конечно, а я здесь подожду.

– Вместе пойдем, как говорит иногда Сорокин. И, следовательно, ничего хорошего там не будет.

– Иди сам, один.

– Мы погибнем, – сказала Эбба, – так и не добравшись до самой сути наслаждения.

– Почему? Ты знаешь, их, это страшные люди?

– Так-то нет, но вон они идут, – сказала Эбба.

В тумане, поднимавшемся с моря топали огромные быки, с длинными рогами.

– Меченосцы уже были, – сказал я с иронией, – и появились, кажется те, кого можно назвать Копьеносцами.

– Копьями Потрясающими.

– Здесь изучают Шекспира? – задал я наводящий вопрос.

– Не знаю, как тебе и ответить, друг, но если иметь в виду Шекспира, то, конечно, его здесь не изучают. И знаешь почему?

– Теперь знаю. Вы посылаете Шекспиров на Землю. Думаю, что это просто местная похвальба. Единственное, что мне понятно:

– С такими быками нам не справиться.

– Даже с одним? – задала вопрос дама.

– Ты думаешь, они одного оставили на корабле?

– Есть такая надежда.

– И он нам нужен? Зачем? Есть его?

– Покажет дорогу между Сциллой и Харибдой.

– Ну! начинается. Никак не думал, что вы бывшая жена Эйдельмана.

– Не жена – дочь.

– Значит, – сделал я логичный вывод, – здесь идет такая же непрерывная борьба за права человека, как на Земле?

– Почему человека? – спросила Эбби.

– Неужели животных?! – ужаснулся я.

– Естественно.

– Марс считается планетой, ушедшей настолько далеко вперед, что здесь могли остаться только сверхлюди. Остальные окончательно вымерли.

– Я никогда не любила любительскую историю. Тем более, с датами.

– Дело темное. Но идти на катер придется.

– Зачем? Можно и не ходить. Мне и так нравится быть с тобой.

– Мне с тобой тоже. Но дело в том, что я послан сюда не просто так, наслаждаться жизнью, а ловить банду из Амурского.

– Кто это такие?

– А я знаю? Тут не знаешь, что к чему пристроить. Если следовать Гомеру, то этих быков есть надо, ну нельзя, а на-

до, а получается, что скорее они нас съедят, чем мы их. Если ориентироваться на Хемингуэя, то мы всё-таки ловим банду террористов. Но какие из коз и быков террористы, не понимаю?

После того, как освещение упало, и убрали Луну, мы пробрались на корабль, и застали там одного быка.

– Я так и знала, – сказала Эбби. – Хитрые твари.

Но меня удивило больше всего другое:

– Одна из этих, так сказать, тварей лежала у самого штурвала и курила сигару, а на волосатом пузе стоял широкий хрустальный стакан со льдом и трубочкой.

Невероятно.

– Я еще понимаю, что быки могут иметь мозги человека, но внутренности-то, желудок и что у них еще там, приспособлены, наверное, для перетирания трав и других деревьев, как ты думаешь, Эб?

– Ты два бэ поставил?

– Ну, шас подумаю.

– Не обманывай меня, пожалуйста, ты меня унизил, как последнюю проститутку.

– Сейчас о другом речь.

– Как ты не понимаешь? Ты унизил меня до такой степени, что я теперь даже не соображаю, что хорошего тебе можно ответить. Только плохое.

– Говори плохое.

– Это беркер.

– Старо. Ибо теперь я понимаю, что здесь все чокнутые.

Может его напоить, и угнать катер?

– Чем? У нас есть запасы виски молт?

– Я имею в виду, как-то развеселить его.

– С тобой всё ясно. Хочешь меня продать ради своей нелепой идеи Завоевания Марса.

Мы устали на блаженствующего часового. Нам бы так-то. А с другой стороны, он без телки.

– А если это приманка? – прошептала дама мне на ухо.

– В чем да, и в чем – нет?

– Нас схватят во время банкета, и в трюм.

– А потом?

– Потом, естественно, продут в рабство.

– Да-а.

– Что?

– Ничего нового. Неужели и здесь есть рабство? Я не верю.

– Послушай, ты, эй, бычара, – сказала Эбаут, как я мысленно ее уже называл, и встала.

Бык испугался. Предвидения никакого.

– Вы, чё здесь делаете, козлы?! – спросил он и снял стакан с пуза, чтобы в случае чего быстро встать. – Я здесь поставлен охранять, вы нагло претесь на мой корабль. Выбросить

в воду, что ли, вас?

— Что ли вас-с! — передразнила его Эбби, и тут же добавила: — А ну встать, сволочь! Когда разговариваешь с подпоручиком.

И это подействовало. Бык подумал, что мы вооружены, если так орём. Хотя какое понятие о вооружении он имел — было не ясно. У нас, конечно, тоже были рога, но намного меньше, чем у него. Это все равно, как фильме Из Парижа с Любовью, Джон Траволта хотел стрелять из магнума, кажется, но всё равно из пистолета, а водитель Ауди предложил ему гранатомет с заднего сиденья, когда они охотились на шахидов.

Впрочем, как мне только что сообщили это пистолет швейцарского производства:

— Миссис Джонс.

— Иди к мамочке, бычок, — поманила Эбби его пальцем.

— Да иди ты, знаешь куда? — отмахнулся он, и кстати сделал небольшой глоток из граненого хрустального стакана.

— Что?! — возмутилась дама, и хотела уже затопать копытами, но бык предложил постелить шкуры, и:

— Садитесь, пожалуйста. — Как говорится:

— На палубе лежали звери и шкуры, пели песни, пили мёды, и тут, протрубили на берегу трубадуры, говорят, что уходим в поход.

— Отчаливай, — сказала она. — А было уже налито.

– Давайте сначала выпьем за знакомство, – сказал он.

– Ну, и? – смог, наконец, и я вставить слово.

– Что И? Ах, и! Дак, Марс.

– Кто?

– Что?

– Я не поняла, сам Марс, или однофамилец?

– Я тоже в шоке, – сказал я, и выпил кстати. – Оно и понятно, – сказал я, – кому еще и быть быком, как не Марсу.

– Остальные бычатики – это тоже наши Марсиатики? – спросила Эби, как будто сама была не отсюда, а, по крайней мере, с Земли.

Тут я подумал, что та банда из Амура, которую мы ищем – это десант с другой планеты. Бежали сюда, как шведы после Полтавы. Так, так, так, что-то начинает проясняться.

Бык напился, как последняя свинья, и мы поехали. С берега в нас летели копыя.

– Во, бычары, в меня чуть не попало одно копьё, – сказала Эбби. Она подошла к самому борту, и крикнула:

– Козлы-ы! Абсолютно никакого понятия о стрельбе из луков не имеете! И так далее, в том смысле, что повернулась задом, нагнулась и повиляла жопой.

– Они стреляют рогами, а не из луков, – сделал я ей замечание, но не вовремя. Дама дала мне пощечину.

– За что?

– Никогда не перебивай меня.

– А то что?

– А то будешь принимать окситоцин в одиночку. – Но сама тут же обняла меня и помассировала спину. – Приятно?

– Есс!

– Так вот этого не будет, если ты будешь на стороне прыгающих на берегу быков, а не на моей. Причем:

– Всегда!

– Я просто хотел поточнее провести рекогносцировку.

– Не выдумывай. Тут и так всё ясно.

– Да?

– Да. Не Турецкий Вал, чай, штурмовать собираемся.

– Тем не менее, я удивляюсь, что они нас так легко отпустили, – хотел сказать я, но побоялся опять нарваться на энергичные возражения Эбби. Чё-то не то, – решил я, – дамы так себя ведут, когда любят кого-то другого. Но не меня. В лучшем случае она считает меня Скоттом Фицджеральдом. – И да, – добавил я, – ты не хотела бы, чтобы я звал тебя Зельда Сейр.

– Вот только не надо гадать, знаю ли я, кто такая Зельда Сейр.

– Кто?

– Не скажу. Меня больше всего удивило, что быки могут стрелять копьями из рогов.

– В этом не было бы ничего удивительного, если бы ты

тоже умела так делать.

– Я умею, но не копьями же.

– Чем?

– Стрелами, естественно.

– А разница?

– Если ты не видишь разницы между стрелой и копьем, что тогда с тобой разговаривать?

– Это вопрос?

– Нет, пожалуй, что это и ответ тоже.

– Мне кажется, ты меня не любишь.

– А должна?

– Я, конечно, не помню, всех перипетий нашей связи, но думал: да.

– Ладно, ладно, не забывайся.

И тут завывли Сирены. Вместо того, чтобы испугаться, я спел, кстати:

– Тогда и отправился к Соне мой друг с порученьем моим.

– Что? – спросила Эб, предварительно взглянув на привязанного к мачте Марса.

Тут только я понял, что песня была не просто приятным развлечением, но и:

– Предвидением. – И я прыгнул в воду.

– Куда? – слышался сзади хриплый от ужаса голос Эб-бы.

– Дак, к Сиренам, – ответил я, повернувшись на спину.

– Напрасно, напрасно, – только и услышал я вслед. – Здесь сожрут человека и даже не подавятся.

– Будь счастлива с Марсом!

– Бык козе не товарищ! – ответила она, и добавила прежде, чем скрыться: – А уж любовник тем более.

Я, честно говоря, ужаснулся что наделал. Я не родился в Крыму в санатории ЦК, и плавал редко. Даже своей собаки – Тигрового Дога – боялся в воде. Он все время почему-то старался залезть на меня, как будто мы были на суше, а не в баклуше. Ибо глубина этой баклуши, говорят, сорок метров, бывший карьер.

– А сколько здесь? – ужаснулся я, тем более, что никаких Сирен не было, только море с большими волнами.

Спеть песню:

– Раскинулось море широко, – я не мог. Почему? Зубы так сильно сжались, что разомкнуть их не было никакой возможности.

– Хоть бы волн не было, – сказал я, стуча зубами минут через пятнадцать. И они прекратились. Случайность? Не думаю. Тем более, наконец, включили приличное Солнце. Приятная девушка на катамаране спросила:

– У вас попить нет?

– Кругом целое море, пейте, пожалуйста, – ответил я.

– Вы морской бог?

– Да

– Сигарету?

– Мне? Спасибо, большое спасибо. – Я зацепился за шедшую вдоль борта резиновую веревку. Через каждые полметра она крепилась к надувному баллону. В нем воздух? – я выпустил такую же струю дыма, какую выпускают молодые девчата, которые катаются ночью на велосипеде, и постучал по баллону.

– Не-ет-т, – улыбнулась девушка, – гелий.

– Он может летать?

– Конечно.

– А смысл? До яхты совсем недалеко, можно и доплыть по морю.

– Нельзя, к сожалению. Море такое твердое, как мой камтаран.

– Странно, а я плаваю.

– Это меня и удивило. Как это у вас получается?

– Да я и сам думал, что утону, но вот спасся. Думаю, я увидел вас, и решил:

– Буду жить.

– Будем жить, – повторила она, и добавила: – Со мной? – И еще раз добавила:

– Со мной, да.

Я попросил ее наклониться, поцеловал для верности в губы, и спросил:

– Как вас, то есть, тебя зовут?

Глава 5

– Аф.

– Просто Аф?

– Хочешь Вэ.

Я подумал:

– Аф похоже на лай собаки. – Как бы не превратиться в собаку. Так и придется встречать ее после защиты Кандидатской радостным лаем:

– Аф, аф! Аф!

Или она будет на меня лаять:

– Аф-р-рр. Аф-р-рр. – Я даже хлопнул себя по лбу, неужели Афродита? Если да, то второе имя тем более известно:

– Венера. – Надеюсь, без вторичных признаков. Да и с кем здесь? Этот лайнер, как оказалось, не ее. Что-то такое, вроде картины на стене. Виден, но находится не здесь.

– Ты не утянешь меня на дно? – спросил я, когда уже сидел на втором сиденье, рядом с ней.

– Ты не хочешь сплавать на дно? – спросила она. – Я в принципе могу свозить тебя туда на прогулку.

– Лучше вы к нам, – ответил я.

– Ну, хорошо, давай тогда я угощу тебя рыбой по-фински.

– По-фински – это как? сетью или спиннингом.

– Можно и так, и так, но главное здесь приманка.

– Насадка, вы хотели сказать?

– Можно считать и так. Но суть этой приманки, или как вы говорите насадки в том, что:

– Они ловят нас, а мы их. – Я повторил, чтобы понять, правильно ли я понял Афро:

– Мы их на нас, а они нас, а они тоже нас, но уже на себя.

– Естественно.

– Тогда естественно это не позорно, давай.

И она закинула блесну. И что характерно:

– Не в воду, а на небо.

Там ее кто-то схватил, и так сильно потащил, что мне пришлось держать Афро за ноги.

– Хорошо, что нашелся непринужденный повод это сделать.

– Или мы или нас, – прохрипела она, – держи меня, парень, крепче.

– Больше не могу.

– Держи через не могу.

– Как это?

– На мне сколько одежды осталось?

– Дак, всё, как было: плавки, лифчик, ожерелье, звезда во лбу.

– И больше ничего?!

– Всё.

– Где моя раковина?

– Не-е-е было, – ответил я с трудом, так как повис над катамараном где-то уже в двух метрах.

– Не надо было, милый друг, отпускать катамаран. Это и есть моя раковина. Она дает мне силу.

– Жаль вы не сообщили раньше. Теперь я не знаю, как с ним связаться. Я вишу, точнее:

– Подвешен над ним в двух метрах.

– Прыгай и тащи меня.

– Связи не будет.

– Ты можешь проползти по мне?

– Пр-пр-проползти? Я вас правильно понял?

– Ты никогда не слышал про Вергилия и Данте, как они ползали под Землей?

– Дак, слышал, естественно. Но боюсь снять ваши плавки.

– Не бойся, они на замке. И знаешь почему?

– Почему?

– Таких, как ты много. Иногда и не уследишь, как снимут. Поэтому теперь запираю.

– А ключ где?

– Скажу только после ужина. Ты ужинать-то меня приглашаешь, кавалер?

– Так, да, естественно. – И я пополз за ее лифчиком. Хорошо, что в детстве неделю, даже больше, ходил на гимнастику. Но всё равно скоро понял, что не доползу.

– Представь себе, что я Украина, а ты спецназовец ГРУ, и ползешь под колючей проволокой под пулеметным огнем.

– Из чего стреляют, из дзота?

– Из вкопанного в землю танка.

– Почему танк не был уничтожен с воздуха?

– Прицел на самолете оказался бракованным, летчик промазал.

– Не, – сказал я, – мне только хуже. Придумай что-нибудь другое. Я не хочу ползти на Украину.

– По Украине, – уточнила дама.

– Тем более.

– Пойдешь на корм рыбам.

– Быть съеденным вместе с вами для меня счастье.

– Хорошо, пусть тебя тащит вверх приз. Как-то:

– Поцелуй.

– В губы?

– В губы не доползешь, целуй в грудь.

– В одну?

– Ты хочешь в обе?

– В принципе, да.

– Ладно. – И я пополз дальше. И откуда взялась только сила в руках? – как иногда спрашивал Владимир Высоцкий. – Я как раненый зверь напоследок бузил, выбил окна и дверь и балкон уронил. Потом спел песню про быков, которые лежали на шкурах, пели песни, пили мёды, и тут:

– Протрубили во дворе трубадуры! – Я цапнул ее за грудь, даже за две. И лифчик упал вниз.

– Что ты наделал?! – рявкнула она.

– Я забылся. Теперь нас съедят, да?

– Прыгай за ним.

– А потом как? – Я думал, она скажет: снимай трусы, чего уж теперь. Смотри, только не ослепни, как говорится. Нет, она сказала, чтобы я полз еще выше, и снял ожерелье.

– Его хватит? – хотел спросить я, но она ответила раньше:

– Тоже растягивается.

Я закрепил ожерелье на ноге, и спустился. И был так счастлив, что больше подниматься не хотелось.

– Ты чё там размечтался? – услышал я голос с неба.

– Я забыл, что делать дальше!

– Привяжись к катамарану.

– Чем?

– Подумай.

– Нет, не знаю чем. Тут ничего нет.

– У тебя под ногами лифчик, ты зачем лазил.

– Простите, мэм, но так много логики я не могу усвоить в течение двух секунд.

– Я вишу здесь, по крайней мере, час.

– Другая бы не выдержала, я понимаю. Иду, иду. – Я надел лифчик на стул катамарана, и крикнул, как бывало в стройотряде:

– Майна! – Или:

– Вира? – чё-то я не помню, куда тянуть. В принципе это не важно – автоматика.

И мы выиграла. Сверху упала такая рыба, что как сказала Агро:

– Нам хватит на два дня.

– Здесь килограмм пять, – сказал я, – вряд ли мы его съедим за два дня.

– Больше, – сказала Афро, – пуд. Это гранат, ты знаешь, что он должен быть тяжелее, чем кажется? Так и этот.

– Больше. – А кто это сказал?

– Я ничего не говорила, – сказала, одеваясь дама.

Далее, она выводит меня на первого злодея. Это другое время, но выход с Марса.

Мы заплыли за яхту и там оказался приличный благоустроенный остров с домом и решеткой для жарки рыбы. А также ящик для копчения.

– Что не съедим, то закоптим, – сказала она. Я уж не стал спрашивать, сколько мы съедим. Напластовал противень, остальное посыпал орегано и поставил в коптилку. Правда, все не уместилось. Тут хватит за пять заходов. Прокопчусь весь сам. Потом может не дать. Надо заставить ее посмотреть за коптилкой некоторое время, чтобы от нее тоже пахло рыбой и дымом.

Я посмотрел на рыбу, от которой остался только скелет с головой и хвостом. Но и мясо было: осталось между ребрами.

– Вырезать его – это целая канитель. Обычно никто его не выковыривает, а просто бросают эти остатки в уху для навару. Ла и мяса на ней еще много. Но тут какая уха? Кто будет есть эти потроха? До завтра испортится. А холодильника тут, естественно, нет. Потому что нет энергии. А энергии нет, потому что нет проводов.

В принципе уху как раз захотелось, но подумал, как всегда, что:

– То, что есть – может заменить и жареных уток. – И выбросил этот скелет в море.

– О море, море, море, море но, – пропел я, – и хотел уже вспомнить песню:

– В тумане скрылась милая Одессе, золотые огоньки, в синем море вышли моряки.

– Послушай, Карузо, – подкралась сзади дама, – где рыба. И да: можно я буду иногда звать тебя Карузо?

– Охотно.

– Считай, что это будет выключателем и включателем твоего приемника. Как скажу:

– Карузо – так пой.

– А вы не слишком много на себя берете?

– Да? Ну, хорошо, тогда ответь: где рыбка?

– Ры-б-ка?

– А ты думал, это рыба? Нет, мой милый – это только при- сказка. Сказка будет впереди. Если ты выбросил кости в мо- ре. Выбросил?

– Я подумал, что они могут здесь, на солнце испортиться.

– Надо было меня сначала спросить.

– Я привык думать сам.

– Меня не интересует, что ты любишь делать обычно. Вы- бросил?

– Ну, если их здесь нет – значит выбросил, – сказал я и до- бавил: – Не обожраться же!

– Ты сердишься, э-э, Юпитер – значит ты не прав.

– Я эту поговорку знаю, но э-э неужели я похож на Юпи- тера?

– Если тебя одеть прилично, то вполне можешь сойти.

– Спасибо хоть на этом. К сожалению, здесь нет даже ма- газинов Адидас и Монтана.

– Ошибаешься, здесь всё есть. Вот ты был на Земле, ни- чего там нет, а самолеты летают, Харлеи Дэвидсоны, Мерсы, Тойоты, и другие Ауди раскатываются, невзирая на это. Ни- чего нет, а всё есть. Как это может быть? Откуда всё взялось в мгновение ока? И никакого времени не надо, чтобы всё это появилось. И знаешь почему?

– Потому что всё было, – ответил я. И добавил: – Мы не глупее его. – Только, как найти никто не знает.

В доказательство того, что найти даже здесь кое-что можно Афро поставила на стол с дымящейся рыбой вино.

– Белое? – я повернул к себе бутылку. – Красное лучше.

– Не будь дураком, парень, рыбку пьют с белым. Я сказала: —

– Пьют? – Вот ты передаешь мне свои негативные эмоции.

– Почему?

– Я волнуюсь.

– Как перед свадьбой?

– Как перед боем. – И добавила: – Это я сказала перед боем? Всё, доедай быстрее рыбу и будем трахаться. Если я обещала, я всё исполню.

– Я хочу, чтобы ты взяла в рот.

– Нет.

– Ну, начинается: то всё, то это не буду, другое не могу.

– Я не сказала, что вообще нет, но после обеда, после такой рыбы, надо сначала почистить зубы.

– Ну, знаешь, для всего можно придумать отговорки. Почисти, ты сама сказала, что здесь всё есть, зубная паста не такая уж большая проблема.

– Я не хочу портить послевкусие.

– В следующий раз я останусь в катамаране, а ты будешь висеть в одиночестве, как швец под Полтавой.

– Швед.

– Я лучше знаю, кто там был.

– Может подеремся?

– После обеда? Ну, хорошо, давай, – сказал я с тяжелым вздохом.

И я встал против неё.

– Милый друг, – сказала Афро мягко, – не со мной.

– Да, с кем хочешь, давай его сюда, – сказал я в запальчивости.

Она указала пальцем мне за спину. Там вылез из воды, и уже отряхивался парень в красной рубаше и синих фирменных штанах.

– Точно Монтана, – подумал я, – Бананы.

– Сейчас такие давно не выпускают, – счел нужным заметить я вместо приветствия.

Он добавил:

– А зря.

– Да? Я тоже так думаю. В ём скока карманов?

– Думаю, этого хватит для знакомства, – сказала Афродита. – Ты думаешь, зачем он сюда вылез?

– Нет, нет я не буду драться, – сказал парень. И добавил: – Рыба есть?

– Ты испортил нам продолжение ужина, а теперь еще хочешь есть самого себя? – Она повернулась ко мне: – Узнаешь?

– Нет.

– Этот тот окунь, которого мы ели.

– Не может быть, – я зажал рот рукой. – Вы меня сделали Ганнибалом, мэм.

– Он жив, ты сам видишь.

– Живых людей я тем более не люблю. Могу даже добавить: очень, очень.

– А вот он хочет есть самого себя.

– Я обещал Шекспиру, что сделаю это, – сказал парень.

И он сожрал половину прямоугольной жаровни семь на восемь. Мы, конечно, не стояли перед ним, как пеньки, и не глазели на это ганнибальское пиршество, как следующие жертвы. Я только сказал:

– Там в холодильнике фасоль. – А она:

– А внизу бутылка Кьянти.

– Далеко ходить, – только ответил парень. И действительно:

– Где это Далеко? – Вот однажды я шел по неправильному пути, а навстречу мне из-за мусорных баков выбежала ворона с раненым крылом.

– А что я могу сделать? – А ведь можно было ее спасти. Машина у меня была недалеко, где находится Ветлечебница я знал. Далеко, правда, от этого места, где я снимал квартиру.

Но если я не туда иду – какая разница? Более того, эта ворона и показывала мне, что я не туда иду, надо сделать поворот, и мне просто на просто:

– Некуда спешить.

Вот и ему надо не подглядывать за нами в качающихся кустах, а бежать отсюда, бежать, как можно дальше.

А в итоге Афро посадила его в железную клетку, как Джу-ди Фостер Энтони Хопкинса. А ведь виноват был совсем другой человек:

– Буффало Билл.

Я вытер пот со лба.

– Чё ты? – ласково спросила дама, – устал уже.

– Не, я просто с ужасом подумал:

– Не за Ганнибалами ли мы охотимся?

– В общем там, ты отвлекся и сбил мне весь кайф.

– И чего?

– Давай заканчивай, пойдешь с ним драться.

– Да ты что? с людоедом я драться не буду.

– Зря ты так расстроился. Это обычный Циклоп.

– А они...

– А они всегда ели не только себе подобных ослов, но и людей.

– Ели, – повторил я, и добавил: – Едят и будут есть.

– Ну что, готов, бродяга? – спросила дама, пытаясь вылезти из-под меня.

– Та не, ты посмотри, что он вытворяет.

А дело было в следующем:

– Парень нажрался, напился и прыгнул в воду. – Он превратился в большую, огромную акулу и сожрал предмет мо-

их тайных надежд – белую с розовой полоской яхту.

– Как он мог это сделать? – спросил я подругу, пока она одевалась. – Ты говорила, что яхта – это картина. Реальность ее в другом времени.

– Ты сам видел, что он надел на себя шкуру другого времени, стал большой акулой.

– Что надо есть, чтобы обладать такими способностями? – спросил я.

Глава 6

– А ты не видел?

– Жареную рыбу?

– Нет.

– Копченую?

– Нет.

– Рыбу, которую приготовил я.

– Ну, нет.

– Он съел самого себя.

– Наконец ты все понял.

– Я не буду есть самого себя даже для того, чтобы победить этого Циклопа. Более того, за что его убивать? Вот если бы он ел других, то естественно, его можно считать за врага, которого мы ищем.

– Я...

– Поздно якать, – сказала она. И я мог только прочитать:

Но кто мы и откуда
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет.

– Вы что чит-таете?

– Кто? Что? Спи дальше.

– Не понимаю, чем я заслужил такой грубый ответ.

– Ну, хватит, хватит. Я не дура, ты не сможешь меня разыграть.

– Хорошо, если вы так настроены, я пойду схожу в вагон-ресторан.

– Да, конечно.

– Вам что-нибудь надо?

– Да, бутерброд с сыром, бутерброд с красной рыбой и эту...

– Кока колу?

– Не смейся, кофе капучино.

– Ладно. Хотя я никогда еще не слышал про кофе, что это она.

– Здесь кто книжку читает? Я. И ты еще учить меня будешь? Впрочем, учти, что это электричка.

– Серьезно? – И действительно высокий парень в голубых джинсах остановился около нашей скамейки и спросил:

– Разрешите прикурить?

– Кто? Что? – спросила Люда. – Здесь не курят.

– Это шутка, я хотел присесть, – сказал парень в голубом.

– Теперь уже поздно менять свои решения, – сказал я. – Иди, куда шел.

– Это ты иди, куда шел. А именно: в вагон-ресторан.

– На самом деле, сходи, купи что-нибудь, – сказала она.

– Вы меня конечно простите, лэди, но я смотрел на вас сорок минут, не отрываясь.

– И что?

– И что! Ничего особенного, но думаю, что имею право сидеть и дальше.

– Я не знаю, зачем ты пошел в вагон-ресторан в электричке, – усмехнулась она.

– Сходи, сходи, – парень похлопал меня по плечу, а я пока побеседую с дамой по душам.

– О чем вам с ней беседовать? Совершенно не понимаю! – воскликнул я.

– Ну, что ты пристал к человеку, иди.

– Иди, – опять повторил я ее слова. А она ответила:

– Прекрати паясничать.

Пришлось уйти.

В тамбуре она догнала меня и попросила сигарету.

– Ты что, обиделся? – И нечаянно задела рукой член. Я сразу полез ей в трусы. Она была не против. Но дальше, увы:

– Не дам. – Кошмар, у меня даже волосы встали дыбом.

Как говорится:

– Пар уже накачали, а ехать не дают.

– Семафор закрыт, – поняла она мои мысли.

– Но почему?! Рукой можно, а по-настоящему нельзя?

– А ты поедешь со мной в Ленинград?

– Ленинград, Ленинград, – быстро повторил я, пытаюсь понять где это. Ну, в том смысле, по какой дуге туда двигаться отсюда.

- Ты не знаешь, где Ленинград?
- Знаю так-то, конечно, но не знаю, где мы находимся.
- Может ты не знаешь, и кто я такая?
- Прекрасная девушка, на которую я не отрываясь смотрел сорок с чем-то минут.
- Что ты говоришь, балда?! – она стукнула меня кулачком по лбу.
- Я даже не знаю, как тебе доказать, кто из нас прав.
- Просто. Если бы ты меня Не Знаю, ты бы не полез вот так сразу мне в трусы, верно?
- Наоборот! Ты что?
- Что значит, что? Ты только к незнакомым и лазишь. Хорошо, ответь тогда, почему?
- Знакомой как в глаза потом смотреть?
- Ты вообще рассуждаешь, что говоришь? – она опять хотела брякнуть меня кулаком по лбу. – В трусы для того и лазят, наверное, чтобы понять по глазам:
- Началось?
- Что, любовь?
- Да какая любовь, ты вообще откуда свалился?
- Я просто сидел напротив и смотрел на тебя сорок минут, как Петрарка на Лауру.
- Честно?
- Абсолютно.

Она попросила еще одну сигарету, и кстати вынуть мою

руку из ее трусов.

– Извини, я просто ее там забыл.

– Как бы то ни было.

Я подал ей зажигалку.

– Ты считаешь, что мы уже были знакомы? – спросил я со вздохом.

– На вокзале познакомились, в буфере.

– А-а! Ну, может быть. Я значит, просто забыл.

– Хватит врать, ты купил мне в буфете два вареных яйца и куриную ножку, а денег не взял. В карты, что ли, выиграл у кого-нибудь? Говори, правду, не будь дураком.

– Да, да, да, что-то такое начинаю припоминать.

– Ты еще читал мне книгу, которую купил на зоне.

– Вот это уже интересно, – сказал я. – И как она называется?

– Так, Альберто Моравия, а вот про что не помню. Хотя ты просил меня обратить внимание, что там люди постоянно просят...

– Что? От твоего ответа будет зависеть, поеду ли я с тобой в Ленинград.

– Соль.

– Что?

– Они всегда просят передать соль.

– Ужас. Верно. Почему я тебя не помню?

– Я знаю ответ.

– Скажи.

– Притворяешься.

Не успел я ответить, как двери раздвинулись, и появилась голубая снизу, красная сверху улыбка.

– Капитан, капитан улыбнулись, – спела Люда.

– Улыбнитесь, – сказал он, и вынул красную книжечку.

– Мы ничего не делали, – автоматически сказал я. – Впрочем, это с толкучки? – Я попытался взять книжечку из его пальцев. Но он, как фокусник убрал ее в ладонь. Но другой рукой вынул из-за спины другую книгу.

– Итс май, – сказала девушка.

– Это хорошо, что вы не отрицаете свою причастность к этому делу, – сказал он. – Только этого мало. Надо, чтобы и он, – парень приставил палец мне к носу, – сует свой нос туда, куда он не дорос.

– Куда – и он сует свой нос? – я не поняла.

Красно-голубой мэн показал книгу лицом. Я уж подумал, что это Альберто Моравия, неизвестно откуда здесь, – но это была ее книга, книга, точнее, Артура Миллера:

– Охота не ведьм.

– Откуда он у вас?

– Я просто положила ее на лавку, чтобы никто не занял мое место. Вот и всё, – сказала Люда – Всё просто.

– Эта книга запрещена без русского перевода, – сказал парень.

– Я все равно почти не понимаю по-английски без слова-

ря.

– Где словарь?

– С собой нет.

– Простите, но, как минимум вам придется со мной расплатиться. Натурой.

– Натурой, – повторила она. И добавила: – Это как? Я хотя и только что после зоны, но всё равно не дам.

– Дашь-ш-ь-ь, – как мне показалось даже прошипел парень. – И знаешь почему? Я люблю таких, как ты.

Я выступил вперед:

– Это моя любимая жена, и я не позволю над ней измываться.

– Да пошел ты знаешь куда? – спросил он, но не дал мне даже ответить, открыл дверь железнодорожным ключом, который вдруг появился у него – в третьей руке, что ли? – перевел меня к выходу, и толкнул в жопу всей квадратной стопой сорок пятого размера.

После падения я даже хотел снять свой черный вельвет, и замерить этот размер на всякий случай. Но решил:

– Время еще будет. – Сейчас надо догонять паровоз.

Я конечно подумал, что ту-ту, да разве его догонишь! Но поезд остановился. Впереди что-то произошло. Но это действительно была электричка, и двери открываются автоматически. И на мое счастье они открылись. Но опять закрылись, когда я оказался рядом.

– Лучше не отходить, – решил я. И стоял, стоял, стоял. А поезд пошел, так не пустив меня внутрь. Я конечно, представлял, что в нем происходит, и краска даже выступила у меня на лице. Очень, очень жаль.

Но на всякий случай я зацепился за ручку, и попытался открыть заднюю дверь. Она пошла внутрь.

Я вздохнул облегченно.

– Ну, парень, у тебя голова работает! – радостно сказал... да, это сказал краснокнижечник.

– Ты ждал меня, и рад, что видишь? – задал я риторический вопрос.

– Ты давай тут не умничай, а сразу получи, – сказал парень, и так махнул ногой, что у меня волосы поднялись дыбом. Не от ужаса, а от ветра.

– Что? – спросил он. – Похоже на Комету Галлея?

– Да-а. Вы где-то учились так бить?

– Нет, просто Дар.

– Дар напрасный, дар случайный – жизнь! зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена?

– Это вы меня спрашивае-е-ете.

Пространства здесь было немного, но мне удалось ускользнуть и от следующего его маха ногой. Просто я скинул ему под опорную ногу бачок из нержавейки литров на десять. Жаль, что он был пустой, но парень всё равно не смог его перешагнуть, но, к моему удивлению не упал.

Я посмотрел на потолок, и решил бежать. Куда? Дальше в вагон. Если он смог зацепиться ногой за трубу на потолке, то лучше было и не садиться с ним в один поезд. Скорее всего, он долго отрабатывал приемы джиу джитсу. И, следовательно:

– Только бы не оказаться с ним в одной кровати. – Лежа он меня задушит ногой. Почему? Видно – может.

Но дверь из этого кубрика дальше в вагон была закрыта. Мне показалось, что он спустился вообще по стене. В том смысле, что:

– Зачем? – Он мог бы встать в стойку на руках.

– Надо было остаться на откосе, и махнуть этому поезду рукой на полное прощанье. Куда я спешу? По рогам получить? С этой акулой мне не справиться. И знаете почему? Это Немягкий Путь. А наоборот, жесткий.

Неожиданно я увидел руку, которая могла принадлежать, если не толстухе, то весьма приличной даме, похожей на хомяка, но с весьма крутыми бедрами. Так оно и вышло, когда я ухватившись за эту руку, как за спасительный канат, втянулся в другую часть вагона, и был – нет, не повален на пол, как очередная добыча – а просто поставлен, как экспонат для наблюдения.

– Простите, но, что вы на меня так смотрите?

– Это не тот вопрос, который должен был задать, мальчик.

– Хорошо:

– Вы не забыли запереть дверь?

– Что ж, голова у тебя работает. Ты никогда не учился на э-э?

– На э-э? А понял, понял, я так рад что вас встретил в этой опасной обстановке, что могу даже сказать ваш любимый пароль, который я нигде не воровал, а догадался до него сам, и использовал в ваших интересах в маленькой комнате, где стояла японская хроматография. Вы окей?

– Так это были вы?

– Я.

– Весьма сомневаюсь. Скажите, как мы тогда трахались?

– Не скажу.

– Почему?

– Потому что тогда не интересно будет показывать.

– Ну, ладно, уговорил. – И она, как тогда сняла все, но только до пояса.

– Бойтесь, что ослепну?

– Боюсь пистолета заряд будет истрачен мимо цели, – грубо ответила она. Это тогда. Сейчас, ожидать другого не приходилось. Люди не меняются. Если они стеснялись тогда – сейчас тоже их раскачать можно только сзади, когда не видно выражения наслаждения на их милом лице.

– Не смотри.

– Почему?

– Стреляй по два патрона с задержками. Так ты не подпу-

стишь их слишком близко.

– Кого, простите?

– Всех желающих.

Я, как и тогда взял ее за хомячьи щеки, и попросил не слишком наклоняться вниз.

– Почему, я забыла?

– Всё просто: я не достану.

– Угу, я много в жизни потерял, всё потому что ростом мал. Однажды я в одну влюбился! Был молод и красив собой. Когда ее в подвале трахал, лица не видел и не ахал.

– Наоборот, я очень часто вас вспоминал.

– Врешь.

– И знаешь-те почему?

– Почему?

– Я люблю, когда лицо девушки сужается не к низу, а наоборот.

– Как груша?

– Есс.

– Это как раз я.

Но тут она закричала, как будто ее режут.

– Ты не сказал пароль! – она повернулась ко мне, и я опять увидел ее прекрасное лицо жирного поросенка. Нет, нет, хомяка, конечно. Такая красивая. Вы думаете, я вру? Нет. И знаете почему? По крайней мере, очень маловероятно, что это Медуза Горгона, которых я боюсь, как огня.

– Пароль, – сказала она и хотела цапнуть за член, но передумала, так как... ну, вы помните про пистолета заряд. Дама помнила о наслаждении даже в такой ответственный момент.

Я спокойно улыбнулся: пароль мне был хорошо известен.

– Окей, – она тоже улыбнулась.

– Окей, да, или окей, но нет?

– В этом деле все должно быть серьезно. Итак – пароле, милый.

– Пароле, или пароле пе, – опять пошутил я, но тут же схватился за голову. Я его забыл! Как это может быть? Вот доболтался, и теперь всё могло кончиться плохо. Тем более, было уже явственно слышно, что кто-то подбирает ключи с той стороны двери. Известно, конечно, кто, но говорить лишний раз про этого голубого мне не хотелось – тип пренеприятнейший. Тем более, вместе с джиу джитсу. И, кажется, это была бразильская система, где вообще душат и делают болевые в партере.

– Партер не люблю, – сказал я.

– Повтори.

– Это не пароль, прости, так, неприятное предположение.

– Ты не можешь повторить пароль? Ты его не знал, и взял меня просто на испуг? Вспоминай, или я тебя не прощу. Никогда.

– Давай хотя бы закончим эти тити-мити, – я приподнял ее бесценно-большие груди. – Не могу на них насмотреться.

И знаете...

– Прекрати лицемерить и паясничать одновременно. Пароле пе. Или хотя бы просто пароль, и да: можешь закончить то, что начал давно.

Натренированным финтом я бросил ее на татами лицом вниз.

– Ч-что ты делаешь, паразит?! – завизжала она, как поросенок натюрлих. – Я просила тебя продолжить то, что мы не закончили тогда. – Я остановился.

– Без сомнения, тогда я знал, что это было.

– Ты вообще нарочно притворяешься? Ты и тогда не сказал мне пароль, а только притворился, что в курсе моих устремлений ввысь, и даже под воду.

– А! под воду, вспомнил. Чюрлёнис.

– Я не ослышалась? Ты можешь повторить?

– Алл би бэк.

– Прекрати паясничать, скажи что-нибудь новенькое!

– Остался у меня на память от тебя, портрет, твой портрет работы Пабло Пикассо.

– Всё ты договорился. Теперь тебе придется выбирать между Чюрлёнисом и Пикассо. Ну, что будешь делать? Крути пальцы. Или вообще гадай хоть на кофейной гуще.

– Кстати, я бы кофе принял. Тем более сейчас. Надо ломать экстремальную ситуацию.

Глава 7

– Хорошо, пусть он тебя убьет. – И этот хомячок отрыл дверь.

Я конечно, побежал, тем более, что уже оделся. Голубой за мной. Если бы я еще бежал по-честному, но уже через три вагона понял:

– Бегу, чтобы обмануть его. – Два раза мне удалось стукнуть его закрывающейся дверью. Ему мало. Конечно, если бы стекло разбилось, и голова красно-голубого мэна повисла среди его острых зубцов, но такое огнеупорное стекло к счастью не бьется. Имеется в виду, такое развитие событий решило бы все в мою пользу.

Я думал только об одном:

– Как лучше: драться при ней, или, наоборот, лучше, чтобы она не видела моего поражения.

Ясно, лучше при ней, ибо при ней-то осталась только победа.

И вот она встала предо мной с сигаретой в зубах, но всё равно:

– А во лбу звезда горит.

– Ты не могла куда-нибудь спрятаться? – даже не отдышавшись спросил я.

– Где ты был?

– Это не вопрос в сложившейся ситуации.

– Ты опять хочешь сразу перейти к сексу? Я не знаю, где ты был, а душа, чтобы смыть сомнения здесь, кстати, нет.

– Я тебе честно говорю, зря ты разводишь сейчас эту лирику.

– Почему?

– Потому что вот-вот нас могут грохнуть.

– Так ты его не убил?

– Как я мог его убить?

– А зачем ты вообще ходил на охоту?

Я приложил руку ко лбу, как Сократ в гостях у Микеланджело.

– Пожалуйста, не веди себя, как будто ты ничего не понимаешь.

– А что... в том смысле, что еще на тебе не женился? Ты же ж не предлагала. Кажется.

Она посмотрела в окно.

– Вот он идет сюда.

– Уже видно?

– Да, пробирается, как Циклоп среди толпы народа, напролом.

– Я пойду? – спросила она.

– Да, конечно, но я с тобой. И знаешь почему? При тебе я постесняюсь проиграть.

– Хорошо. Я пока почитаю книгу. Или мне помочь тебе?

– Ты можешь читать одним глазом?

– Могу. После праздника Нового Года я читала стихи Бродского, чтобы как-то уснуть в одиночестве:

– Я один, я вышел на подмостки, прислонясь к новому дверному косяку.

– Это не он.

– Не надо меня перебивать. Или ты не слышал, что я читала одним глазом, а другой закрыла, так как он двоился? Ну, хорошо, хорошо, я буду читать одним глазом, а другим свяжусь с Охотой на Ведьм.

– Мы охотимся на ведьм?

– Наоборот.

Мэн был уже рядом и пёр на меня, как танк Тигр, смело, и с однозначной мыслью раздавить меня с налета. Как обычно возникло два варианта:

– Пропустить и бросить в зад зажигательный коктейль имени Клары Цеткин и Розы Люксембург, или нет. Я сразу присел на одну ногу, а другой ударил его чуть ниже колена. Цики не ожидал, полетел и остановился только у заднего прохода. В том смысле, у следующей в том же направлении двери. Как говорится:

– За рога и в стойло. – Но только не его.

Пока он был окумарен первым ударом, я провел бросок с упором стопы в живот. Он шел на меня как тень отца Гамлета, поэтому не сопротивлялся.

– Неудачно лег, – сказал я, – прямо с тобой.

– Это он? – спросила Люда, не отрываясь от интересной книги.

– Посмотри внимательней.

– У меня глаза уже настроены в разные стороны, я и так вижу.

– Прекрати лицемерить и паясничать одновременно, – сказал я, – это он.

– Нет.

– Почему ты тогда боишься посмотреть на него?

– Он не красная рыба перед тортом, чтобы смотреть на него. Видела уже хватит.

Я сел рядом на скамейку.

– Чем он отличается от того, я не понимаю?

– Тот бежал туда, а этот оттуда.

– И это всё? Что вы хотите мне сказать? Это совершенно неподходящий момент для ваших шуток.

– Я останусь с ним.

– Что?!

– Я лучше останусь с ним.

– Но почему?

– Ты с ним не справишься? А он убьет нас обоих.

– Обоих.

– Это почти одно и то же.

– Не думал, что ты такая.

– Какая есть.

– Ты была с ним с самого начала? Я так и знал! Какое лицемерие. Я чувствовал, чувствовал, мне надо было остаться с тем хомяком. Тем не менее, я возьму тебя в заложники. А ведь я так мечтал трахнуть тебя по обоюдному согласию. Иди. Давай, давай, книгу в зубы и мелкими перебежками на выход. Будем прыгать с поезда.

– Я не пойду.

– Иди, я сказал.

Мэн так и лежал в проходе, пришлось пройти по нему. Как Жан-Клод Ван Дамм, сделанный из пробирки, я прижал – жаль, что не настоящий Адидас – к его горлу. Народ в вагоне меня не поймет правильно, если я грохну его прямо тут, решил я, и мы вышли в тамбур.

Я видел, что она хочет что-то сказать, но молча связал ей руки и оставил веревку метров пять.

– Ты что-то хочешь сказать?

– Хотя ты не засунул мне ничего в рот, я всё равно говорить ничего не буду. И знаешь почему? Ты уже связал мне руки.

Я попытался открыть дверь, нэт. Они всё так же закрывались автоматически. Это напрасно.

Я подошел к стоп-крану и ласково посмотрел на нее, чтобы не орала. Но тут появились контролеры.

– А, господа гастролеры, – пошутил я. А оказалось,

что нет.

– Ваши билеты? – строго и просто спросил один, а потом и другой, потому что я опять пошутил:

– А если у нас нет билетов?

– У вас есть билеты.

– Почему?

– На морде написано.

– Ах так. Тогда извольте, – я вытащил откуда-то два билета. Значится она была уже изначально со мной. Зачем врала?

– Вы не напрасно задумались, молодой человек, – сказал старший из них.

– Догадались в чем дело? – спросил второй.

– Да.

– И?

– Я думал, что поймал дикую рыбу, а оказалось, что это моя жена, не стал бы я покупать билет на электричку совершенно не проверенной в постельном отношении дамочке. Билетов-то два, – я протянул руку, чтобы их забрать.

– Не так быстро, – сказал кто-то из них.

– Ну, начинается! Что-то еще не так-то? Кому еще мы не дали в этом поезде? Кто нас еще не бил?

– Вы не заплатили за голубого мэна, лежащего в проходе.

– Да? А с какой такой стати я должен за него платить? Он мне кто? Друг, брат, этот, как его, есть один тип там у Высоцкого, любитель черной икры, зять? Это конкурент, и уже

если в этом мире кто-то обязательно должен за кого-то платить в электричке, пусть, наоборот, платит он за меня.

– Вы сами во всем признались, спасибо, – сказал старший контролер, – подтвердили свою связь в голубым мэном.

– А уж кто из вас должен за кого платить будем разбираться, – сказал второй.

– Фантастика, – сказал я, – вы кто, контролеры билетов или агенты Марса? – Просто так сказал, но один из них даже сдвинул на затылок фуражку:

– Так, так, так, продолжайте.

Далее, мы рвем стоп-кран и прыгаем в воду.

Я схватил стоп-кран, но один из контролеров обхватил Люду за талию, ниже которой руки не могут соскользнуть из-за ее широких бедер, и сказал, что лучше умрет, чем отпустит эту добычу. Второй пытался обойти сцепившуюся парочку, но я рванул ручку, и мы все свалились в одну кучу. Инерция.

Дверь удалось открыть, и я сбросил туда Люду.

– П-почему я первая? – попыталась она изобразить крик ужаса. И смысл был, так как поезд остановился на мосту, а внизу была река. Скорее всего, вода здесь холодная. Но мне прыгнуть не удалось – дверь опять закрылась. Поезд дернулся. Хотя дверь вагона была плотно закрыта, мне показалось, что я слышал крик ее ужаса. И понятно:

– Я думал, она просто повисла над рекой, а на самом деле

бежала на веревке рядом с поездом.

– Машинист идиот, зачем он едет? – обратился я к контролерам, и хотел попросить их хотя бы развязать на мне веревку, чтобы девушка не пыталась выполнить невыполнимую задачу: угнаться за паровозом.

Далее, появляется ли голубой мэн?

Да он открыл дверь, протер глаза, как будто только проснулся, и двумя ударами уложил обоих контролеров.

– Таперь уходим, – сказал он, и оттянул дверь. – Прыгай, – нет, этого не сказал, хотя я был уверен, что больше-то и сказать нечего. Голубой мэн обхватил меня за талию, как я часто мечтал хватать Люду, бежавшую в это время рядом с нами. И он выпрыгнул головой вперед, кувырком с последующим переворотом. Я понял, что он пытается долететь до края моста, и попасть при этом между фермами. Если нет – травм не избежать. Если да, то Люда – по логике – должна прежде чем отправиться за нами в воду, взлететь вверх. Одна надежда:

– Она не успеет понять, что с ней происходит. – Но она поняла, поэтому на бегу подняла валявшуюся на земле острую железку, и перепилила веревку. Мы остались одни.

Я в дурном сне не мечтал даже остаться с ним опять один на один. Цики отпустил меня в воздухе, и я ушел как можно ниже на дно. В том смысле, что зацепился там за корягу. Пусть думает, что я остался на поезде. Чё-то я даже не мог

придумать, зачем мне встречаться с ним еще раз.

И вот передо мной необитаемый остров, в вокруг никого.

– Это как раз то, о чем мы так долго мечтали, – сказал я и поплыл к острову по-индейски – кролем. Но скоро понял:

– Слишком быстро – не доплыву.

– Держись за меня и доплывем.

– Что? – и тут передо мной появился мяч.

Кто-то бросил мне мяч. Я посмотрел вверх на небо. И мы поплыли. Помощь его была неоценима, потому что берег не приближался, а наоборот, удалялся.

– Оптический обман.

– Ясно.

Но обычно так не бывает, мы успеваем забыть, как всё было, и остров постепенно приближается, а сейчас он удалялся, потому что я не мог забыть прошлого. И так продолжалось до тех пор, пока расстояние между нами не сократилось до одиннадцатиметрового удара.

– Только бы попасть.

– Я попаду. И знаешь почему? Я буду бить в Девятку.

– Нельзя бить одиннадцатиметровые Под Перекладину. В Девятку, тем более. Потому что глаза разбегаются, и мяч летит мимо. Просто надо обмануть вратаря. Всё нормально, удалось причалить, но пути на этом скалистом берегу не было. Я попытался зацепиться за камень, и выпустил мяч. Но тут же сорвался. И что самое удивительное, никак не мог

всплыть на поверхность. Как будто никогда и не умел плавать. Можно подумать, что и на велосипеде я уже не умею ездить.

– Что-то уж очень глубоко, – решил я, – это не река, а море какое-то.

Удивительно, но надо мной опять появился мяч. Как он мог спуститься под воду – не знаю. Я обнял его обеими руками и прижал к щеке.

– Их либе дих.

– Да, да, конечно, я тоже.

С этой стороны на остров не было нормально входа, но с другой можно было залезть. Хотя тоже не подарок. Я посмотрел вверх. Наверное, не доброшу, жаль было оставлять мяч в воде. Тем не менее, бросил, и мяч не упал вниз, а зацепился на уступчике. Я бросил его опять, и на этот раз мяч исчез.

– Ну, значит и я докарабкаюсь до верха. – Но тут же чуть не свалился обратно в воду. Левая рука лежала на камнях, а правой я махал по воздуху, как будто старался оттолкнуться от него, но она же и тянула меня вниз. Левая пересилила – она берущая, и хотя пальцам не за что было ухватиться, она прижалась к острову и притянула его к себе. Не к себе, точнее, а ко мне.

Внутри остова была вода, а около нее пляж.

– Как бассейн, – сказал я, и после долгих поисков нашел путь вниз. И что характерно:

– Мяч плавал в воде.

А скоро появилась и Люда.

– Загораешь? – спросила она, и бросила туфли на песок прямо рядом с моей мордой.

– Ты здесь?

– Не знаю даже, что ответить тебе на это приветствие, – ответила дама.

При виде ее тела с тонкой талией и широкой жопой я терял почему-то присутствие духа.

– Покажи мне Мельницу.

– С-сколько раз?

– Три.

– Три, – повторил я. – Мало. Боюсь, что на трех не смогу остановиться. Тем более, я не один.

– Интерес-сно. С кем?

– Мяч, вон плавает в озере.

– Это мой мяч! – крикнула она, и прыгнула в воду. Я за ней. А точнее, хотел раньше нее забрать мяч.

И вот, о чем мы так долго мечтали, произошло, а именно секс по системе Коллонтай и Щепкиной-Куперник вместе взятых. Это были:

– Я, он, она и Люда. – Много? И самое главное было хорошо, как в сказке: кто-то за репку, а остальные:

– В очередь, сукины дети, в очередь.

Мяч плавал в воде, она держалась за мяч, а я уж был только последним. Как мышь.

Наконец, все, кроме воды выбрались на берег. Но так как сил было мало, и мы могли отползти недалеко – вода появилась в ямке между нами.

– Мне понравилось, – сказал я, – можно бы и повторить.

– Я готова повторять это до бесконечности, – сказала она.

– Тогда в чем дело?

– Здесь это невозможно. Сейчас небо закроется.

– Почему? – не понял я, но почему-то нервно начал стучать по лежащим рядом карманам брюк в поисках сигары.

– Это Марс.

– Почему сразу Марс, я не понимаю?

– А я не понимаю, почему не наоборот, – ответила Люда. – Ты откуда здесь взялся? Ты здесь в экспедиции.

– Надолго?

– На всю оставшуюся жизнь. Теперь ты понял, что это Марс?

– Нет.

– Ну, сейчас увидишь. Сколько солнц ты видишь?

– Одно.

– Точно? А вот сейчас будет три Луны. И мало того, мы станем простыми скелетами. И знаешь почему?

– Почему? На Марсе мясо не держится на костях?

– Да, но главное, что оно здесь просто не нужно. Нашим

сознанием заправляют Вины.

Солнце заменили три Луны.

– Ну, чё, при Луне будешь?

– Это уже не Луна, а целая компания подсматривающих за нами личностей. Я не могу. Тем более, если мы скелеты, как мы будем это делать? Нужны хоть какие-то прокладки.

– О чем ты говоришь, здесь так не делается. Вины всё делают за нас.

– А потом?

– А потом мы получаем Распечатку.

– В виде все тех же элементарных удовольствий? Я не вижу смысла заниматься таким сексом. Почему они не могли придумать, что-нибудь более интересное.

– Почему нет, есть, – сказала Люда. – Ты можешь сохранить Распечатку в своих Документах, или даже прямо на Рабочем Столе, и...

– И пользоваться Записью в любое время? Это ново. Это хорошо. А то у меня бывает просто нет уже сил мечтать о тебе, а здесь: раз, два и мы опять вместе. Но так можно дотрахаться до полного изнеможения. Это с одной стороны, а с другой ты можешь быстро надоесть мне хуже горькой редьки.

– Не выдумывай, не выдумывай – если ты меня любишь, то любишь навсегда. И знаешь почему? При желании ты всегда можешь представить меня Афродитой.

– В каком смысле?

– Ты видел хоть когда-нибудь картины Пикассо?

– Да. Более чем, я некоторые из них даже вожу с собой.

– Ну, вот на место ее головы поставь мою. Это не трудно сделать. А потом сохрани, как меня.

– В каком смысле?

– Что ты заладил одно и то же: в каком смысле, в каком смысле? В каком хочешь:

– Белый низ – черный верх, и наоборот, черный низ – белый верх.

Глава 8

- В смысле разделить тело на сколько частей, на три: голова, большие титьки, и от талии до колен?
- Да, – поймал я ее на нелогичном ответе.
- А маленькие ножки, любимое кушанье Александра Пушкина?
- Тебе нравятся мои ножки? Поцелуй хотя бы одну сейчас.
- Я вижу только скелет.
- Не ври. Вины доставляют тебе иллюзорную информацию, что на них полным-полно мяса. Погрызи мясо на моих ногах.
- Ну ладно.
- Ай! Ты похож на волка. Полижи их сначала.
- Я лучше погрызу твои кости, можно?
- Грызи, что теперь с тобой делать. На Марсе всё можно.
- Ай, ты что так кусаешься?
- Больно?
- Очень.
- Я просто проверял достаточно ли проникло сюда садо-мазо.
- А нельзя как-нибудь обойтись без этого?
- Если дело дошло до скелетов, скорее всего нельзя.
- Но я не взяла с собой книгу про Униженных и Оскорб-

ленных. Как ее? Толи Виолетта, толи Лизавета.

– Жюстина.

– Да? Я не читала. И знаешь почему? Жан Жак Руссо мне посоветовал не делать этого.

– Значит ты не Афро? Я ведь подумал, что ты Афро.

– А кто это?

– Скорее всего, ты марсианка, и не знаешь, кто это.

– Знаешь, что, уйди отсюда, скройся с моих глаз.

И я направился к берегу, бросив не глядя, через плечо:

– Ты не Афродита.

– Я тебя сейчас утоплю, – хотел я услышать в ответ. Но так и нырнул, не обернувшись. И она не пришла. Я поплыл на другую сторону. Другая сторона всегда чем-то отличается. И здесь неожиданно наступила ночь. Когда погасли две Луны я даже не заметил. А третья была едва видна на краю неба.

Я испугался толпы с лопатами на плечах, и побежал вдоль высокого забора. Оказывается, здесь что-то добывали. Не противотанковую траншею шли они рыть. Это было ясно.

Наконец через дыру я вышел из огражденной территории.

– Туалет, – обрадовался я, и зашел. Он был уже далеко не новый. В хорошую половину успел зайти человек, пришедший после меня. А в этой я, когда вставал вляпался во что-то, похожее на говно, но без того специфического запаха, которым оно обладает.

Справа была маленькая пристройка, где грелись трое. Вероятно, они ждали, когда принесут чай, чтобы заварить чифир.

Они молча смотрели, как я счищал грязь с ботинка и мыл его, а потом заодно и другой.

– Придется убрать за собой, – сказал один.

– Конечно, – ответил я. Хотя что, собственно, тут убирать? Все смыла вода.

– И помой посуду, да, – сказал хмурый парень, который сидел один напротив других двоих. Они были в темно-синих куртках, похожих на те, которые выдают бесплатно, или привозят сразу всем в колхоз.

– Убирать посуду я не буду.

– Уберешь, – спокойно и хмуро сказал тот же гусь. А другие тоже его поддержали:

– Убирай, убирай.

– Почему я должен убирать за вами? – спросил я.

– А кто будет убирать?

– Ты мыл на нашей кухне ботинки, офаршмачил всё здесь.

– Я не знал, что это кухня.

– Смотреть надо.

– Уберешь, придеешь в котлован, мы дадим тебе еще работу, – сказал, выходя последним главный из них, а один из двоих вернулся и толкнул меня ногой в плечо. Я как раз сидел на корточках, и зашнуровывал ботинок.

Он ушел, а я подумал, что надо было провести ему бросок через бедро с захватом. Жаль поздно додумался.

Но неожиданно вошел другой, и тоже без разговоров хотел толкнуть меня ногой в плечо, но я успел встать, зацепил его ногу, уложил на пол, и провел болевой на эту ногу. Чтобы не орал, длинный рукав его куртки засунул в рот. Мыслей:

– Ломать – не ломать не было. – И зажатое у меня подмышкой сухожилие затрещало. Я перевернул его на спину. Это был контролер. Более того, мертвый контролер жд билетов. А ведь сначала я его не узнал.

– Готов? – спокойно спросил второй. Он только что вошел. – Не надо было возвращаться, – добавил он, – плохая примета. Но теперь уж нечего делать, придется тебя грохнуть.

– Что характерно, – сказал я, – куда ни сунься, везде одни и те же наглые рожи. Почему так не знаете?

– Думаю, что знаю, – ответил он, и добавил: – мы как раз те, кото ты ищешь. Но уже никому этого не расскажешь, окей?

– Конечно. И знаете почему? Я прибыл сюда не болтать, а просто на просто для ликвидации.

– Ты убежал из электрички, – сказал контролер, – но отсюда еще никто не убегал. Поэтому я предлагаю тебе на выбор: – Работать в Котловане, в самом низу, будешь кочегаром. Или нет, и тогда уже навсегда останешься здесь. И зна-

ешь, что, — он поднял руку ладонью вперед, — подумай, прежде чем принимать необдуманное решение. Потому что в противном случае ты останешься здесь навсегда не мертвым, но живым рабом.

— И кем я здесь буду, машинистом экскаватора?

— Удивительно, но ты угадал, будешь забивать сваи пердежным паром.

— Это серьезно, или просто на просто очередное оскорбление? — спросил я.

— Нет, натурально, тебя будут кормить спецдиетой, состоящей из одной капусты, чтобы способность пердеть была у тебя не периодической, а постоянной.

— Вы хотите сказать, что молот, забивающий сваи в котловане способен работать на пердежном паре? — удивился я.

— Способен, — закончил он дискуссию.

— Невероятно.

— Хорошо, — сказал он, — я задам вам последний вопрос: почему?

— Стыдно как-то.

— Нет, ошибаетесь, привыкают.

— Значит, я буду не первым?

— Конечно нет, люди давно здесь работают. Так-то вообще ни к чему не способны, но демократия движется вперед, и им придумали работу, чтобы могли приносить пользу.

— Кто этот такой умный, что позаботился о пленных зем-

лянах?

– Не я, – ответил контролер, и провел, тварь, неожиданную подсечку в падении. Как Жан-Клод Ван Дамм брату своей черной с розовыми губами любовницы. Тогда выходит, что я негр в тяжелом весе. Не получится. Кулаки не такие двухпудовые. Представить себя можно и быком, но рога все равно не вырастут. Хотя если поставить руки перед собой шаровая молния между ними появляется. Тем не менее, прежде чем продолжить бой, я посмотрел в маленькое зеркальце над умывальником, и понял, что сзади меня кто-то есть. Показалось. Но я тут же почувствовал себя больше, сильнее, как бык.

– Надо же, – сказал я. И даже потрогал рога на голове.

– Чё? – спросил киллер, – рога ищешь? Так я уж их тебе обломал Дэметом. Слышал про такой удар, как из-под земли.

Но мне удалось провести ему прямой в голову, а потом и джеб.

– Вы не ожидали, что я владею всеми видами единоборств, и не только?

Он сделал удивленную рожу, и вышел из сарая.

– Хорошо на свежем воздухе, – он расставил в стороны руки, и глядя в мрачное небо, добавил: – Я тебя боюсь.

В подтверждение своих слов он прилег на бугорок, и хлопал себя по пузу волосатой лапой.

Я понял, что идти не надо. Но пошел. Его пузо тянуло

меня, как магнит.

– Нет, – сказал я, но было поздно, тигр схватил меня за горло.

Тут я почувствовал, что кто-то из меня вышел. Кто бы это мог быть? Значит, мне тогда не показалось, что в меня кто-то вошел.

– Афродита! – крикнул я радостно, но про себя. А она схватила тигра за хвост, и намотала ему на шею. Потом спросила ласково:

– Вам завязать галстук? – Он убежал, так и не откусив мне голову. Прокашлявшись вместо спасибо я спросил:

– Зачем вы его отпустили?

– А где спасибо? – напомнила она правила.

Я положил ее на плечо и побежал в соседний лесок. Через три с половиной часа я повторил вопрос:

– Ты кто? – И если можно не ври пожалуйста. Ты Афродита? Так просто войти в человека другой человек не может, не правда ли? Ты Люда?

– Что за Люда, с Сосновой?

– С Еловой.

– С Елоховской?

– Нет, нет, пожалуйста, не заговаривай меня, ты не она.

– Почему ты так думаешь?

– Я вижу. Она бы не смогла вот так просто войти в меня, а потом выйти, и спасти от хитрого тигра.

– Ну, ты больше ничего не хочешь?

– Ну-у, не знаю может быть чуть позже.

– Ну-у, позже – так позже. – И она исчезла. Д-е-ла. Значит, это действительно была Афродита. В следующий раз надо придумать, как не отпускать ее без передышки. С другой стороны, так тоже нельзя, чуть задумался – уже бежит куда глаза глядят. А куда, собственно.

Я пробрался через сосенки. Карьер был тут. Но здесь уже ничего не добывали. Шум был где-то дальше.

– И что самое удивительное, – сказал я, – этот карьер очень похож на тот, где мы так счастливо жили. Значит. Значит – это тоже остров. Абсолютно не понимаю, как здесь ориентироваться. Тем более, что два противника здесь еще остались. Как бы не превратиться в бурмашину, которую они мне обещали.

Я осмотрелся.

Никого. И подошел к краю котлована.

– Желтый песок и больше ничего. – Так бывает? Зачем его рыли на такую глубину? Скорее всего, кому-то был нужен желтый песок. Невероятно. Зачем?

Я лег на кусочек травки, и посмотрел вниз. Скатиться невозможно. Кто так роет? Стены почти отвесные. Бежать? Догонят. Дело в том, что метрах в пятидесяти шли люди, так это не спеша, явно пробирались на трахтодром. Вот как

раз на то место напротив которого я лежал. Оно отличалось от других тем, что когда-то здесь был костер. Ясно, что они шли на свое место. Все существа всегда хотят побывать там, где были счастливы.

— Где они имели большой авторитет. — И не обязательно это должна быть улица Марата. Здесь перед кустами у дороги тоже было хорошо. Как говорится:

— Был бы авторитет.

У них был, потому что обычные люди в это время работают, а эти шляются с телками.

Превратиться бы в муху. Нет, сказки. И они меня, естественно, увидели.

— Стой там, иди сюда! — сказала одна из дам. И я побежал. Они за мной ухватом, в том смысле, что трое побежали, а один остался у костра. И догнали. Одна из них, симпатичная более-менее и с тонкими губами, как... впрочем, там видно будет.

Другая подошла уже почти шагом.

— Совсем ты загонял жаркую блондинку, — сказала она.

— Дай ему по морде, — сказал парень, и даже согнулся — до чего набегался.

— Ты брось ты, Леха, — сказала жаркая искусственная блондинка, — мы как будто побывали на охоте.

— Я рассчитывал на рыбалку, — тяжело дыша ответил синий Леха. Я подумал, что он похож на одного из синих кон-

тролеров, потому только что Леха был в синей майке, и синих шароварах. Он добавил: – Я сегодня мясо, наверное, есть не буду. Шли на рыбалку, почему я должен перестраиваться?

– Да не бойся, – сказала жаркая блондэ, – он шутит. – А вторая добавила:

– Скорее всего.

– Зачем я вам нужен?

– Будешь поддерживать огонь в очаге, – сказала вторая.

– И всё?

– Пока собирай по пути дрова.

Только сели, как второй окунь представился:

– Валет.

– Что?

– Кто? – передразнил он меня. И добавил: – Ты главное с нами вместе не садись. Просто стой и шевели угли.

– Зачем? – спросил я, – у вас и так всё есть.

Действительно, оказывается, у них была с собой сумка, а в ней всё как в лучших домах Ландона: помидоры, свежие пупырчатые огурчики, зеленый лучок, красная редиска, картошка сырая, которую они как раз и хотели запекать, пару пузырей самопала, и большая плетеная бутылка какой-то барматухи.

– Шашлыки щас будешь жарить, – мягко сказала жаркая блондэ.

– Простите, не знаю вашего имени отчества, но где мясо?

– А ты, что, сделан из рыбы? – грубо сказал Леха.

– Бросьте, бросьте, не пугайте его, он мне нравится.

– Хочешь, чтобы он держал тебя за ноги? Я сам подержу.

– Так ты эта, пока насаживай мясо, – сказал Валет.

– А вы? – задал я неуместный вопрос.

– Они нас будут насаживать, – сказала блондэ.

– Чё ты заставляешь девушку краснеть? – рывкнул Леха,

и дал такую оплеуху широкой ладонью, что я упал. Честно, не ожидал. Да и мне почему-то казалось еще рано их валить. Хотя совершенно ясно, что твари приличные. Скорее всего, это они. И, как будто подслушав меня, Валет спросил Леху, и кажется, всех остальных тоже:

– Это он?

– Он. – Это ответила худая Нина с тонкими губами, хотя и симпатичная. Сначала я даже думал:

– Если придется трахать, то лучше ее. – Оказалось невозможно. И знаете почему?

Они все по очереди таскали в кусты жаркую блондинку Соньку, как в конце концов выяснилось ее зовут. А потом так увлеклись, что и все четверо не вернулись. А шашлыки были уже готовы. Я перевернул их последний раз и побежал в обратную сторону. Куда? Не знаю, но подальше от котлована. Только одна мысль меня беспокоила:

– Оставить шашлыки на углях, чтобы подольше был слышен вкусный запах, или наоборот, чтобы они подольше

не думали о них. Нет запаха и есть не хочется.

Угадал, обрадовался я: где-то впереди застучали по рельсам колеса.

– Хотя, конечно, лучше бы обмануть их, – решил я, стоя под лиственным тополем у платформы. Обычно мне почему-то встречались тополя с тремя веточками, как посаженные для примера дрова:

– Вот, смотрите, было бы желание, а жить всё равно можно.

И я уже двинулся дальше, но вдруг увидел, что и четверка возможных преследователей пролетела мимо платформы куда-то вглубь континента. И что характерно:

– Даже не бросили сумку с остатками еды, вот эта Сонька, которую все трахали и бежала с ней последней. Трое мужиков и одна хозяйка.

Подошла электричка, я сел и поехал.

– За билет платить будешь? – спросила контролерша. Хорошо, хоть не мужик. Значит, это настоящая.

– Я сейчас выхожу, – сказал я.

– Не получится. Это поезд дальнего следования, и остановился здесь в глуши только потому, что сменщик начальника поезда живет в этом поселке.

– Больше вообще не будет остановок никогда? – спросил я с улыбкой.

– Ладно, – она тоже улыбнулась, – сходите пока в вагон

ресторан, а там разберемся, чем с вас взять.

Я покрутил перед собой пальцы.

Она кивнула в противоположную сторону:

– Там.

Я вспомнил про деньги только когда наполовину съел Цыпленка Табака. С чесноком, вкусный, подали даже чашу с лимоном, и что характерно: не сделали даже намека:

– Это для рук. – Культурно.

– Мальборо, Честерфилд, может быть, сигару? – спросил официант, прежде чем положить на стол книжечку со счетом.

– Сигару, – ответил я, – большую, кубинскую. И эту, как ее?

– Концerezку? Само собой. Мы заранее не откусываем. – Это последнее резюме, немного меня насторожило. Шутки вообще-то в ресторане не уместны, если официант еще не пьяный.

– Закажи нам че-нибудь.

– Что? Кто? – я выпустил изо рта дым кольцами, как Лимонадный Джо, надеясь понять, что будет дальше: пойдет он восьмерками, или так и будет, как всегда, банальными кольцами распространяться в сторону буфета. И я переменял направление в сторону Эха.

Я даже опустил и опять поднял голову несколько раз, как делает иногда собака, произошедшая из змеи, как-то:

– Стаффордширский Терьер, – чтобы решить точно, кто перед ней: кошка, или просто пустой черный пакет колеблется на ветру. И понимает:

– Пакет. – Почему? Кошку бы я узнал сразу.

Я даже попытался наклонить голову буквой Г по отношению к остальной части тела, тоже сомнительный способ рассмотреть получше букву при большом желании получить права профессионала для работы таксистом.

– Только любителем. Хотите?

Тем не менее, несмотря на применение этих телескопических приемов, ничего не изменилось, и в нижнее, и в верхнее кольцо Восьмерки было видно практически одно и то же:

– Валет, Леха, Соня и Нина.

– Вы т-тоже в р-ресторане? – почти без запинки спросил я.

– У тебя деньги есть? – спросила Нина, чтобы как-то продолжить неудачно начатый разговор. А Валет добавил:

– Ну, ты бегаешь! можно использовать вместо этого ко-чегаровоза.

Глава 9

И они нагло заказали себе тоже по Цыпленку Табака, как будто у них не было с собой шашлыков, которые я приготовил, большой салат, и что-то на сладкое. Плюс жареную картошку. Тоже самое, что заказала русская журналиста, жившая и работавшая в Америке, Алику Гинзбургу и его друзьям по тюрьмам и концлагерям в Нью-Йоркской гостинице. Сами они просто на просто забыли, что как называется. Да и тем более давно считали, что жрать помногу стыдно. Мысли, что можно заказать не всё меню почему-то не приходило.

– Вы обожрались печеной картошки, неужели всё мало? – спросил я мягко.

– Пузо больше – всё влезет, – сказала Сонька блондэ, и кстати показала его, и даже нежно похлопала.

– Что, как? – спросил с улыбкой Леха.

– Надо было выбирать ее, – ответил я.

– А ты выбрал меня? – даже удивилась Нинка. Я даже подумал, что прямо сейчас предложит выйти. А надо было заставить ее выйти. Пока не нажралась сделала бы всё, что я хотел. Нет, опять упустил моментум морэ. В принципе оно и лучше, но пока не знаешь сути, всё равно жаль.

Подошел официант и сказал, что сейчас принесет еще один счет.

– Спасибо, но я пока больше ничего не хочу, – корректно заметил я.

– Уверены?

– На все сто.

– Хороший ответ, – без улыбки ответил он, и добавил: – Жаль, что не вовремя. Надо было раньше говорить.

– Раньше чего, я не понял?

– До Заказа, а не после него.

– Это они, может, заказывали, – я кивнул на Нинку, которая совершенно равнодушно взглянула на меня через проход, как будто меня здесь и не было, а крыло цыпленка между тем держала в зубах, как лиса:

– Крепко

– По глупости я принял заказ, – сказал официант и кстати представился:

– Витя, – а также добавил: – У вас есть деньги. Вон там, в правом боковом кармане, – показал он авторучкой.

– Нет.

– Да, да.

– Нет, я имею в виду, что если да, то конечно, пожалуйста, даже с десятипроцентными чаевыми, но только я знаю, даже уверен, что нет. Нет у меня денег.

– А если есть – пятнадцать не пожалеете?

– Без сомнения. – И. И я вытащил из бокового кармана импортного – скорее всего, польского пиджака – желтый бу-

мажник немецкого производства. Неужели эта дама в пилотке с бейджиком уже соблазнила меня? Когда? Нет, если день-ги есть, значит:

– Да, было.

К сожалению, я даже позу не помню. Неужели так много выпили? Но когда? Хотя, если да, то понятно:

– Ох, где был я вчера? Не найду днем с огнем. Помню только, что диваны были синие с розовым. Дальше тишина.

– Всё еще впереди, – сказал Виктор. По поводу чего – непонятно. Неужели здесь вот так возможно:

– То, что уже было – только еще будет. – Нет, было, но заархивировано. Как кино:

– На те вам! – Какого-нибудь Лапшина. – А посмотрите через двадцать лет. Уже всё есть, и приводные ремни в частности, но сам трамвай поедет тока через двадцать лет. Всё также, как на Земле, только если с небольшими недоразумениями.

Далее, драка в вагоне-ресторане и секс в купе проводницы.

– Сколько вообще всего? – спросил я Витю.

– Там всё написано, – ласково ответил он.

– Одно из двух, – подумал я, – или слишком много, или этот Витя не только уже напился, но уже и не скрывает этого.

– Триста, – прочитал я.

– Это по-старому?

– По-старому уже давно не берем.

– Тогда моему уму просто не постижимо, как можно набрать триста рублей за пять цыплят.

– Шесть.

– Шесть? А! Себе вы тоже заказали.

– Нет, теще, она тоже едет в этом поезде, и сказала, что не пропишет меня у себя, если я не докажу ей свою полную лояльность.

– Может быть она имела в виду что-нибудь другое, а не Цыплята Табака?

– Это было бы еще дороже.

– Всё равно очень не похоже на правду, – вздохнул я. – Шесть цыплят по полтиннику за штуку? Так не бывает.

– А большой салат? Торт Бизе и торт Прага. Сэндвичи с ветчиной и сэндвичи с салями.

– Нет, ну вот этого последнего точно не было.

– Так естественно, – ответил Виктор, – их вы возьмете с собой в купе. Более того, две пива Двойного Золотого и бутылка шампанского Брют. Из холодильника, между прочим. Так что, как видите, я просто так денег никогда не беру.

– Всё равно, – уперся я, – триста слишком много.

– Хорошо, наверное, я не сказал, что утром вы можете прийти на завтрак. Бесплатно.

– Согласен, но и на обед тоже.

– У меня кайфа не будет здесь работать.

– Ну, окей, окей, не знаю, есть ли только у меня эти баснословные триста.

– Как раз, – даже сам удивился я. – Можно подумать, что здесь работает какая-то внеземная мафия.

У меня хватило ума пригласить Нину в купе Виктора. Он там жил не один, но:

– Сейчас свободно, – подмигнул он мне.

Но я строго добавил:

– За те же триста?

– Окей, – согласился он. В принципе нормально, если в эти триста всё входит.

Дело в том, что эти трое куда-то вышли. А ее оставили. Зачем? Я не стал заморачиваться:

– Может пьяная согласится.

Правда плохо, что, похоже, она никогда не пьянеет.

– Пойдем, – без улыбки ответила дама. – Куда?

– Сейчас назад, потом прямо, а дальше направо.

Я шел сзади, и старался поднять в себе дух бодрости и веселья. Чем? Я решил:

– У нее узкая жопа, а значит, хвалиться особенно нечем.

Мы только разделись, как я запутался, кто из нас кто. Почему? Ответ:

– Она пристегнула к своим худым, хотя и симпатичным ляжкам искусственный член, и попросила меня, одновре-

менно повернувшись:

– Завяжи сзади. – Я че-то не понял и хотел снять в нее лифчик, в том смысле, что расстегнуть, но она сказала:

– Я сама его сниму.

– В к-каком смысле?

– У меня титки очень маленькие, поэтому он снимается сам. А ты давай сначала деньги.

– Извините, но я так понял, что в триста всё и входит, Более того, а зачем нам два члена? Я не понимаю.

– Не понимаешь?

– Ты сидела в тюрьме и трахала там баб, что ли? Ничего другого я не могу предположить.

– Я смотрю, ты глуп до невозможности. А – Амазонка.

– Если ты Амазонка, зачем тебе искусственный член?

– Я тебя предупреждала: не лезь ко мне, я Амазонка Сони, а ты продолжал настаивать.

– Скорей всего, я просто ошибся. Ты такая красивая.

– Да мне по барабану, о чем ты думаешь обычно. Плати, или хуже будет. Хотя я уже настроилась, – добавила она, и провела мне удар левой точно в челюсть. А потом и полезла на меня. Но решила сначала пристегнуть мои руки к спинке кровати, которую здесь заменила блестящая ручка, за которую, видимо, надо было держаться, когда поезд пойдет под откос, или, по крайней мере резко затормозит, или ускорится.

К счастью вошел Виктор и сказал, что может заменить ме-

ня.

– Тем более, у него всё равно нет денег.

Тогда она, прежде чем отпустить меня, провела ему удар в солнечное сплетение. Да такой сильный, что официант упал на колени.

– Жди, – сказала она и выгнала меня.

За дверью я почему-то подумал, что это:

– Жди, – вполне могло относиться и ко мне. – Маловероятно, но вполне возможно. Этот Виктор пьяный может не удовлетворить эту Жанну Дарк, в полной мере.

Я побежал по проходу, в надежде, что найду тот вагон, где была знакомая проводница. Урки были уже опять за столом. Я взял круглый поднос из нержавейки, и пробежал мимо них, чтобы меня не было вообще видно.

– Официант! – только успел крикнуть мне вслед Валет.

Но оказалось, что не только, послал вслед Леху.

– Стой!

– Чё? – без дальнейших разъяснений шлепнул Леху по балде подносом, открыл дверь поезда, и отпустил, как инструктор боязливого новичка-парашютиста:

– Прямой ногой в тазобедренный сустав. – Да, кажется, там и сустава не было – просто наглая жопа.

Но дальше не повезло. Добежал до конца поезда, но знакомого никого не встретил. Куда? Назад, естественно. Абсолютно не помню, в какой вагон я тогда вошел. В первый?

Нет. В последний? Тоже нет. Значит, по середине. Но народ был бестолков до невозможности. Кого ни спроси – никто не знал, насколько далеко его вагон находится от хвоста или от головы поезда. Наконец, я сам догадался, что конец мне известен, и надо только опять вернуться туда, и отсчитать сколько-нибудь вагонов. Однако теперь я уже не мог определить где, собственно, конец, а где его начало?

– Во попал!

– Зайди ко мне, – услышал я голос, как будто с самих Винов. Я пошел, хотя до конца не был уверен, что это она. Так-то сзади ничего. Хотя чем больше, тем, конечно, лучше. Но это надо искать не в поездах, а в приемных банков.

– На один раз сойдет.

И услышал в ответ:

– Ты на мне женишься? – Она уже развязывала галстук. В том смысле, что снимала его, так как галстуки госслужащих не развязываются, а просто снимаются с шеи, как хомут с лошади.

– Овса?

– Что?

– Прости, сначала я хочу прилечь, как следует.

– Давай, давай, хотя торопиться некуда.

– Почему?

– Ночь, все спят.

– Это, пожалуй, единственная хорошая новость за послед-

нее время.

– Не спать, не спать, – она ущипнула меня за щечку. Прощу прощения совсем заговорился, это я ущипнул ее за щечку, за что она в ответ чуть не откусила мне нос. Я-то стоял, ждал, думал хочет поцеловать в нос, а она тяпнула, но, разумеется, не сильно. Хотя я спросил:

– Кровь не идет?

– До свадьбы заживет.

Ну и трахнул ее капитально. В том смысле, что после первой заснул. Наверное, рефлекторно решил не доставлять ей слишком большого удовольствия, чтобы не настаивала на женитьбе, а тем более на замужестве.

Тем не менее, утром она напредила, даже еще не поставив на столик картофельное пюре с тремя колетами и свежим огурцом:

– Хорошо было?

– Естественно, – ответил я.

Тем не менее, я опять поперся в ресторан. Она ушла на прием к начальнику поезда, а я сюда. Он был еще закрыт, но Виктор открыл дверь.

– Как чувствовал, – улыбнулся он, – заходи.

– Вы пьяный? – сказал я. И добавил уже за столом: – С утра, а как тогда работать.

– Посплю – пройдет.

– А кто работать будет?

– Я ждал тебя и рад, что вижу.

– В каком смысле? Она у тебя спит?

– Да-а, – расплылся он в улыбке.

– Тем не менее я ничего не понял. У меня денег нет еще до сих пор.

– Деньги всегда есть.

– Хорошая мысль, но для меня слишком глубока. Я с такого дна достать их не могу.

– Я тебе помогу.

– Ты кто?

– Официант.

– Выходит, ты предлагаешь мне поработать официантом, пока ты спишь.

– Хорошо, что ты понял.

– Но я боюсь этих бандидос, ведь они точно припрутся опять, и не захотят платить, скажут:

– У тебя есть чаевые, заплатишь. – Представляешь, они держат меня за своего раба.

– Позовешь, если что, буфетчицу Нинку.

– Какую Нинку, с...

– Да нет, нет, та спит в моем купе.

– А никого другого нет, может быть, лучше повара?

– Повара сегодня нет.

– Где он, пьяный?

– Как ты догадался?

– От противного. Обычно повара всегда пьяные на Земле, а здесь на Марсе, значит, должно быть все наоборот. Спрашивается, почему тогда он все равно пьяный? Ответ:

– Просто вчера у него был День Рождения. – И, следовательно, это не правило, а из него исключение.

И они, как говорится:

– Не прошли мимо. – Люди, даже если они обычно сидят у костра, очень любят кабаки. Прямо за уши не оттащишь. А уж на халяву прибегут даже с Текстильщика.

В поезде вообще деваться некуда.

– Вот и встретились два одиночества, – спела жаркая Соня, как только увидела мою приближающуюся походку.

– Принеси нам чё-нить легкого, – сразу сказал Леха, – главное, чтобы было бесплатно.

– У него деньги есть, – добавил Валет.

– Я не он, – сказал я.

– Кто ты?

– Я официант.

– Что это значит? – спросил Леха. И добавил: – Заплатишь.

Несмотря на его тупоумие, я ответил:

– Я не беру с собой на работу денег.

– Не выпендривайся, – сказал Валет.

– Если вы не будете ничего заказывать, то вы не нужны. –

И не дожидаясь результата их размышлений, ударил Валета по балде. Ужас. Он не свалился со стула, как я ожидал. Леха встал и вытянул вперед руку. Это был удар, но к счастью, мимо.

Я не стал ловить его руку в замок для дальнейшего перелома, а просто провел свой коронный прием Болевой из стойки. И в результате все-таки сломал ему руку прямо на столе. Сонька не помогла ему, а наоборот схватила Леху за яйца, что, как она считала должно было помочь мне.

– Они мне надоели, – объяснила она свое неординарное поведение.

– Спасибо, – ответил я. – Не отпускайте его, пожалуйста, потому что Валет еще может встать.

Валета я ударил головой в стекло, но к сожалению, оно даже не треснуло.

К сожалению, жаркая принцесса оказалась предательницей. В самый ответственный момент замешательства противника она обняла меня сзади за шею, и начала душить. Хотелось позвать на помощь толстую Нинку-буфетчицу, но Жаркая Соня не давала мне и рта раскрыть. Точнее, рот я открывал, но только как рыба об лёд – абсолютно беззвучно.

Глава 10

Тем не менее, скоро буфетчица поняла, что я в опасности и побежала по проходу с половником в руке.

– Не зря, – подумал я, – Виктор ее просил. Такая завалит любого не задумываясь. И она действительно поняла, что главную опасность здесь представляет Валет, который хотя и ползал еще на карачках, но уже вот-вот готов был встать.

Она бежала уже с высокоподнятой палицей, но слишком сосредоточилась на своей цели, и не заметила, как раненый Леха вытянул из последних сил ногу, как шлагбаум перед Глебом Жигловым, когда от него увозили в общем-то нелюбимого Шарапова. Финита ля комедиум, теперь только дело случая, куда она упадет: на угол стола или на уже почти поднявшегося Валета. Повезло – она упала на него. По моему, всё – Валет сложился, как сосулька: с хрустом. Ну, в ней центнеров восемь было, было. Дак любой бы сломался. Но, кажется, и она травмировалась, так как лежала и лежала дальше, и абсолютно не вставала. Между тем я уже понял, что уже скоро больше не выдержу – задохнусь. Сознание не давало никакого ответа на вопрос:

– Как вырваться из цепких объятий Жаркой Принцессы. – Видимо, этот мертвый захват она применяла не первый раз, более того, я чувствовал тренировку: она не давала

мне не только согнуться, и схватить ее за ногу, чтобы перевернуть, но даже думать мешала. Оно и понятно: кислород, так необходимый для жизни на Марсе был перекрыт на девяносто процентов. Нос она тоже мне периодически зажимала, но для ушей даже у нее не хватало рук. Для того, чтобы дышать ушами, надо только понять, что это в принципе возможно.

И Принцесса, похоже, это знала. Поэтому отпустила на время из зацепа моей шеи левую руку, вынула из кармана вату, отщипнула зубами кусочек и засунула мне в левое ухо. Во время этой процедуры мне удалось додуматься, что можно немного согнуться. Поэтому я решил провести бросок через спину сразу после, как она включила левую руку опять в зацеп. Иначе я, как водолаз на глубине, не смогу отвернуть даже гайку.

Мне удалось подбить одну ее ногу, взять правой за волосы, и бросить на стол. И удачно:

— Леха как раз заполз на этот стол, и положил голову на край.

Ее отсекло, как гильотиной. Края стола были обиты железным уголком.

Далее, появляется Нинка и Виктор. Убита ли Сонька?

Убита была Нинка-буфетчица, а Сонька еще бегала. Оказывается, эта, этот Валет успел поставить перед собой нож. Длинный нож, практически кинжал, у него на спине нашли

даже голубые с золотом ножны. Он не вылез из спины храброй буфетчицы только потому, что был чуть меньше, чем она. Тем более, у нее был приличный живот. Если заниматься сексом по-миссионерски, то только на подушке. Так просто абсолютно ничего не выйдет. Если только по любви. По любви у меня почему-то получалось даже в этом случае. Как? Магия.

А Жаркая Соня от ужаса уже добежала до буфета. Дальше была дверь, и она открылась сама. Так подумала Соня. Нет, навстречу шли Виктор и Нинка. Только живая, потому что другая, подруга этой Сони, амазонка.

И Виктор без разговоров ударил их головами. Друг о друга. Я даже ничего не успел ему крикнуть. Хотя хотел сказать:

– Не выпускай их с территории. – Как Стивен Спилберг сам себе, когда динозавры начали разбегаться в его парке Кой Кого.

Свободу все любят, когда с солью её намять.

– Ты зачем это сделал? – даже спросил я его на всякий случай.

– Айм агент.

– Вот?

– То, что слышал, – рассмеялся он. – Работаю Под прикрытием.

– Нет, серьёзно, или серьёзно? Почему я ничего не знал.

– Когда работают Под прикрытием никто не знает. А часто

и буквально. Например, я имел с кем-то связь, а он умер, или вообще грохнули. Всё!

– И даже бабла негде взять? – удивился я.

– Как видишь.

– Так ты поэтому работаешь официантом?!

– Наверное, скоро пойду обивать двери.

– Почему?

– У меня привычка выпить писят коньяку, прежде чем идти со счетом за расчетом. А они начинают возмущаться:

– Он хочет нас обсчитать! – И знаете почему?

– Он пьяный?

– Да, естественно. А другим ничего.

Я хотел с ним распрощаться, поблагодарить за сотрудничество, как появились два сержанта в форме, и предложили мне написать объяснительную.

– Я никуда с вами не пойду.

– За рога поведем. – А другой добавил:

– И в стойло.

– Ребята, – начал Виктор, и поднял руку, чтобы их успокоить. Это была явная ошибка, так как руку при сержантах надо не поднимать, а наоборот, опускать. Более того, опускать прямо в карман и причем обязательно с баблом. Иначе:

– Их бин не понимайт. – И это еще в лучшем случае, а сейчас один из них сразу ударил Виктора в горло.

– Он здесь официант, – удивился я, – зачем его бить.

– Прости, – сказал другой, – про тебя забыли.

Но я был уже готов, и поднял одного из них на плечи, когда этот сержант попытался провести мне прямой в голову.

И бросил во второго. Ребята сломали два ближних стола. Я потащил Виктора к выходу, открыл дверь вагона ключом, который взял у него в кармане.

– Прыгай! – сказал я, думая, что он ничего не соображает, но Виктор неожиданно уперся окровавленной ладонью чуть повыше ручки.

– Не хочешь?! – удивился я, – они тебя убьют.

Но он продолжал держать руку, не в силах даже покачать головой или кивнуть.

Я прыгнул, а он исчез. Сержанты втянули его внутрь, как ненасытная пиявка свою жертву. А ничего невозможно нет, они вполне могли потом выпить из него всю кровь.

К сожалению, слегка повредил ногу, и шел прихрамывая. Что мне сказать первому встречному, если у меня, как в тот раз нет денег? Скажу, как обычно:

– Сколько я девушек встретил, только не встретил такой!

Но никого не было. Более того, местность совершенно не напоминала Марс.

– Даже смешно, – подумал я, – как будто и не был там никогда.

Хотя совершенно отчетливо помню, что послан на Марс со спецзаданием, поймать десять монстров, бежавших

из местной тюрьмы. Хотя вот это последнее, не очевидно. В том смысле:

– Каки на Марсе тюрьмы? – Вряд ли.

Вот не дай бог здесь нет моря. Почему? Должно быть. Если опять какая-нибудь Подмосковная баклуша – всё больше ничего делать не буду. Такая жизнь не в моем стиле. Тем более ни одной девушки. Последнюю и то отняли. А Нинку, например, лучше вообще не вспоминать.

Нет, море, похоже, есть.

– Это Ялта? – спросил я первого встречного, и получил лаконичный ответ:

– Нет. – Остается одно из двух – или Адлер или Марс.

Марс лучше. В Адлере шашлыки из осетрины дорогие. Да и как-то некультурно, все уже остывшее, подогревать надо. А если из свежего мяса или осетрины, то возникает логичный вопрос:

– Где же они его хранят, если кругом море? – В любом случае, праздника абсолютно не чувствуется. Да и в Ялте в пивной ничего нет, кроме скумбрии. Почему разводят такую нищету? Непонятно. Как будто здесь никто не живет:

– Ни рыба, ни мясо.

Я был уверен, что поднявшись на насыть, увижу вдали Люберецкое озеро. Всё было очень похоже:

– Слева озера, как где-то, справа цветная капуста.

А мне надо сов-сем другое. А именно:

– Море и овес.

Если бы здесь рос овес, можно сразу стать сексуальным. Почему лошади постоянно трахаются? Потому что любят овес. Он снимает блокаду. И остается только одна мысль:

– Кого бы трахнуть на море.

К счастью это было как раз то, о чем мы так долго мечтали:

– Море, знакомое море. – Что именно в нем было знакомого? Народу был целый пляж. Но это как раз относится к противоположности. Тогда здесь никого не было, кроме Афро, но я надеялся, что она здесь. Это прекрасно. Она здесь. Нет, да точно здесь. И кстати, чуть не забыл:

– Цики лежал на берегу со вспоротым животом, и именно из него жарили шашлыки.

Значит, я действительно, победил. Надо это где-нибудь записать. Думаю, двоих. Остальные были просто униженными и оскорбленными. В том смысле, что просто соблазненными Цики.

– Простите, – обратился я к шашлычнику, – это за деньги?

– Бесплатно, – рявкнул он.

– Но я и бесплатно это есть не буду. И знаете почему?

– Знаю. Кто тебе даст без денег? Никто.

Я решил молча пока присесть на берегу, и внимательно присмотреться, кто здесь вообще купается, люди ли это вообще?

Всё было вроде нормально, кроме того, что они готовились есть шашлыки из этого Цики. Правда, он был на берегу в виде большой, большой акулы со вспоротым животом. Но всё равно:

– Как можно есть акулу? – Они не похожи на японцев. И вообще на людей, давно не евших ничего хорошего. Но акула – это два контролера, или что тоже самое, наглый Леха и тупой Валет. Не знаю, входят ли сюда их милые девушки: амазонка Нинка и жаркая Соня. Но во время еды всё равно придется вспомнить. Я сглотнул слюну и сплюнул. Ужас. Хотя запаха, противного запаха, завалящейся акулы не чувствовалось.

– Её, чё, только что поймали?

– Зачем вам знать, если всё равно нет денег? Хотя поймали недавно. Можно сказать, только что. Более того, – добавил он, – они замаринованы с использованием специй. Как-то, впрочем, не буду раскрывать секрета, вдруг ты этот, как его? конкурент.

– Вы сказал, сказали, что это они? – решил я как-то прояснить ситуэйшен. – Нельзя ли узнать, кто именно?

– Имена, фамилии, явки? Попрошу уточнить, что именно вам хочется знать.

– По вашему недружелюбному поведению по отношению к потенциальному покупателю я могу сделать вывод.

– Что я не продавец?

– Да. Вам нечего ответить? Я прав?

Но дальнейшее я не смог бы предвидеть даже если бы разбирался в этом и некоторых других мирах не хуже Блаватской. Он перевернул на меня шашлычницу и побежал. К счастью мясо здесь жарили не по американской системе:

– На открытом огне, – а чисто по-кавказски:

– Экономии не только мясо, но и огонь.

Углей было мало, и они едва тлели. Всё равно я сначала бросился в воду, и только потом побежал за этим узбеком. Хотя каки тут узбеки, если мы на Марсе. Все Марсиане. А если так, то сначала надо подплыть к пушистой одинокой даме, которая в одиночестве рассекала воду по-собачьи. Туда-сюда, туда-сюда, и опять к берегу. Точно одна. Так-то я бы постеснялся. Почему? Боюсь, не справлюсь. Если это Марс, то подойду. Но, постояв немного на берегу, решил:

– Лучше в воде. – Что-то никак не могу додуматься, о чем ее спросить. В воде понятно:

– Вы не боитесь утонуть? – Я так ее и спросил.

– Здесь много народу, вам не удастся меня утопить, – ответила она.

– И не собираюсь. Наоборот, я хотел, чтобы вы попросили меня поучить вас плавать. Но, вижу, вы стесняетесь, я сам проявлю инициативу. – И тут же поднырнул под нее. Гляжу

под водой, что трусы она толи сняла, толи они сами съехали от трения о воду. Она подплыла к камню, которых здесь было несколько, но не на каждом шагу, как на диком пляже, где, кажется, что огромных валунов с острыми краями больше, чем самой воды.

Мне пришлось самому ловить ее трусы, которые в воде казались просто медузой. Опять медуза. Значит есть какая-то опасность. Но с другой стороны это был обнадеживающий знак. Более того, прямое обещание, что:

– Всё будет хорошо. – Конечно, это правильно, а так можно плавать и плавать вместе, а толку? Никакого.

Пока плыл к ней думал, как трахаться на камне? И чтобы никто ничего не заметил. А народу было не меньше, чем раньше. Не вплотную друг к другу, но близко к этому.

– Ты знаешь способ на камне? – сразу спросила она.

– Я думал ты знаешь, – сморозил я глупость. Ведь это предполагало, что я у нее не первый. Хотя сколько ей лет я понять еще не мог. Надеюсь больше восемнадцати. Хотя если бы сказали:

– Тридцать пять – не удивился.

– У, – сказала она.

– Что это за способ буквой У? Не знаю. Но признаваться не стал, а только ответил:

– Конечно. – И она ушла под воду, а ее зад оказался прямо передо мной. Всё нормально, всё хорошо, всё логично, но!

как она будет дышать?

А выплывать ей, естественно, нельзя: все сразу поймут, что здесь происходит. И, следовательно, они и увидят эту букву У. А так только палочка, а пристройка пристроилась под водой.

Ради этого ехать на юг, конечно, стоило, стоило. Дама с камнем. Вот Василий Аксенов пусть бы спросил меня:

– А где камень?

– Дак, здесь все камни под водой! Так вон один маячит, а остальные не видны. Чуть волна – бац об него коленкой.

Наверное, и про меня подумали, что я ударился о камень и теперь стою около него и думаю:

– Какой дурак устроил здесь пляж? – Некоторые, правда, могли догадаться, ибо:

– Чё-то долго размышляет.

И действительно, один подплыл и высказался:

– Ты соображаешь, что делаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.